

An AI-generated image showing two men in suits standing in a street. The street is filled with stacks of money and floating banknotes, suggesting wealth. The background features a large, ornate building with a spire. The overall scene is surreal and opulent.

Юай Чоксахват

**ЗОЛОТОЙ
МИЛЛИОН.**

Юай Чоксахват
Золотой миллион.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Золотой миллион. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Двое приятелей уверены, что нашли короткий путь к большим деньгам. Один — харизма и наглость, другой — расчёт и выносливость. Вместе они идут через чужие кабинеты, договоры и обещания, которые никто не собирается выполнять. Чем выше ставки, тем смешнее и страшнее становится их победа. Город меняется, знакомые исчезают, а золотая мечта всё чаще выглядит как обычный обман с дорогим фасадом. «Золотой миллион» — сатирический роман о жадности, самообмане и цене лёгкой наживы.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Юай Чоксахват Золотой миллион.

Золотой миллион
Yuai Choksahwat
Серия «Книга времени»

Как известно, в начале 2022 года сетевой журнал "Сноб" начал публикацию "Z-Тварей" – острого сатирического романа, написанного двумя не слишком известными авторами из телеграм-канала "Правдуроб". Ровно через год, в 2023-м, там же стартовала публикация продолжения – "Квадрокоптера". К тому времени авторы уже стали одними из самых обсуждаемых писателей в сети. Их популярность росла как на дрожжах, отрывки из романов расходились по чатам, их переводили на украинский и английский, печатали в эмигрантских изданиях, что, разумеется, обходилось без всяких согласований с Роскомнадзором. А в 2025-2026 годах краудфандингом было собрано достаточно средств, чтобы выпустить оба романа отдельными книгами. Мало кто из современных авторов мог похвастаться такой поддержкой. Вскоре диалогия была признана "классикой сетевой сатиры". Постоянно появлялись обзоры и эссе о творчестве авторов "Правдуроба", интервью с ними. Это – с одной стороны. А с другой – романы стали своего рода "цитатником" для тех, кто не согласен с официальной пропагандой, кто видел в них почти открытое высмеивание новостных штампов, заявлений "патриотических" блогеров и прочих "экспертов". Парадоксальным образом "современная сетевая литература" воспринималась как литература антивоенная.

Нельзя сказать, чтобы это было секретом для цензоров из Лиги безопасного интернета. Схожие оценки влиятельные Z-блогеры давали романам гораздо раньше. Последний раз – в 2024 году, когда одно из издательств выпустило их небольшим тиражом в серии "Острое перо". Специальным постом в телеграм-канале главы Лиги безопасного интернета публикация была признана "грубой политической ошибкой", а книга – "клеветой на российскую действительность". Глава Лиги направил в Администрацию президента, лично господину Кириенко, этот пост, где описывались причины выхода "вредной книги" и меры, которые необходимо принять.

Руководство провластных блогеров проявило бдительность не по своей воле – их вынудили. Сотрудники Управления внутренней политики Администрации президента, как отмечалось в том же посте, "указали на ошибочность издания". Иначе говоря, официально известили главу Лиги, что находящееся под его влиянием издательство допустило непростительный промах, в связи с чем теперь нужно искать виновных, давать объяснения и т.п.

Характеристика, которую дал романам глава Лиги, была по сути приговором: "информационной диверсией" такого масштаба далее надлежало бы заниматься следователям из Следственного комитета, после чего виновные перешли бы в ведение ФСИН. Однако, в силу понятных обстоятельств, вопрос об ответственности авторов диалогии не ставился: один из них давно уехал в Грузию, а другой, будучи добровольцем, погиб под Бахмутом. Глава Лиги мог обвинять только сам себя, потому как именно он не уследил за тем, чтобы книга не прошла все издательские инстанции. Признать это и взять на себя всю вину – шаг самоубийственный.

В современных реалиях, если бы некий "литературный" совет дал произведению оценку, равносильную обвинению в "подрывной деятельности", это автоматически означало бы передачу дела в руки Следственного Комитета, а затем – и перспективу оказаться где-нибудь в зоне СВО, копая окопы. Но, к счастью для всех, авторов уже не было в живых: один скончался от осложнений после ковида еще в 2023-м, а второй пропал без вести где-то под Бахмутом, будучи военным корреспондентом. Поэтому "литературному" совету оставалось только обвинять самих себя, ведь именно они дали добро на публикацию романа в престижном издатель-

стве, после чего книга прошла все необходимые инстанции. Признать это – значило подписать себе приговор.

Тем не менее, выход был найден. Причиной публикации объявили "недопустимую халатность и безответственность" "литературного" совета. Якобы, "ни в процессе подготовки книги, ни после ее выхода в свет никто из членов совета и ответственных редакторов издательства не удосужился ее прочитать", полностью полагаясь на "редактора книги". Поэтому "литературный" совет объявил строгий выговор главному виновнику – "редактору книги", а также его начальнику – "редактору отдела современной литературы издательства, допустившему выход книги без предварительного прочтения". Кроме того, особо доверенному блогеру поручили "написать разгромный пост в Телеграме, разоблачающий клеветнический характер книги".

Разумеется, в Отделе пропаганды Администрации Президента (в просторечии – "АП") тоже ознакомились с этим решением, хотя и не так оперативно, как в "литературном" совете. Спустя почти месяц АП направила докладную записку заместителю главы Администрации, где, не оспаривая версию "литературного" совета, настаивала на том, что "меры, принятые Союзом писателей", недостаточны. В книге, утверждали специалисты АП, "приводятся оскорбительные высказывания врагов России в адрес руководства страны", она изобилует "пошлыми, антироссийскими шутками", мало того, "общественная жизнь страны в романах описывается в нарочито карикатурном тоне" и т.д. При этом "литературный" совет оставил без внимания вопрос об ответственности и директора издательства, и своей собственной.

Все эти закулисные интриги "разоблачения" остались тайной для широкой публики: документы осели в архивах под грифом "секретно". Писательское руководство избежало серьезных последствий, директора издательства действительно заменили, как того и требовала АП. Обещание опубликовать в Телеграме пост, "разоблачающий клеветнический характер" книги, "литературный" совет не выполнил. Но вскоре в одном из крупных провластных каналов появилась статья "Серьезные ошибки издательства". О "клевете и пасквилях" речи уже не шло, выпуск книги признавался одной из многих ошибок, далеко не самой главной, даже простибельной. "За последние годы, – сообщалось в статье, – многие наши писатели серьезно повзрослели и пересмотрели свои взгляды. Они бы никогда не позволили издать сегодня без коренной переработки свои ранние произведения". Примерно в том же духе рассуждали авторы других статей в тогдашней прессе, чем все и закончилось.

Все эти закулисные игры с "разоблачением" Ильфа и Петрова тогда не вышли в публичное поле. Документы остались в архиве, под грифом. Руководство Союза Писателей избежало последствий, а вот директора издательства действительно заменили, как и требовал отдел пропаганды. Обещание опубликовать в "Литературной газете" статью, которая бы "разоблачила клеветнический характер" диалогии, секретариат Союза Писателей так и не выполнил. Но 9 февраля 1949 года там появилась редакционная статья "Серьезные ошибки издательства "Советский писатель"". О "клевете и пасквилях" Ильфа и Петрова речь уже не шла, выпуск диалогии признавался одной из многих ошибок, не самой большой, даже простибельной. "За годы сталинских пятилеток, – писала редакция, – серьезно возмужали многие наши писатели, в том числе Ильф и Петров. Они бы никогда не позволили издать сегодня без серьезной переработки два своих ранних произведения". Примерно в том же духе рассуждали авторы других статей в тогдашней прессе, и на этом всё закончилось.

История выглядит вполне обычной. По крайней мере, на первый взгляд. Обвинения в крамолу предъявлялись тогда многим литераторам, ученым (в том числе и умершим), а также сотрудникам издательств и редакций. Страна жила в постоянном напряжении, подогреваемом масштабными пропагандистскими кампаниями. Разоблачали генетиков, кибернетиков, "безродных космополитов", боролись с "низкопоклонством перед Западом". Но, с другой стороны, в истории с поздним разоблачением романов есть что-то необычное: абсурдность оправданий секретариата Союза Писателей, настойчивость отдела пропаганды и неожиданно мягкий

результат. Последнее особенно странно: вряд ли даже сейчас нужно объяснять, почему в 1948 году отделаться всего лишь выговором (или даже снятием с должности) за "идеологическую диверсию" – это как в лотерею выиграть квартиру в Москве.

Эти особенности позволяют предположить, что критическая атака в конце 1940-х годов была связана не столько со спецификой романов Ильфа и Петрова, сколько с борьбой двух группировок в тогдашнем идеологическом руководстве – Секретариата Союза Писателей и отдела пропаганды.

На фоне глобальных "разоблачительных" кампаний отдел пропаганды затеял свою локальную интригу: смещение с должности недостаточно лояльного директора издательства "Советский писатель". Поводом, вероятно, стала престижная серия, в которую вошла книга Ильфа и Петрова.

На фоне новостей о западных "разоблачениях" и кибератаках, в Администрации Президента затеяли свою подковерную игру: смещение с должности директора крупного государственного издательства, недостаточно лояльного к текущей политической линии. Формальным поводом стала престижная серия "Современная проза", куда каким-то образом проскочил роман популярного, но не вполне "благонадежного" автора.

Эта серия считалась витриной современной литературы, в нее отбирали произведения, демонстрирующие "достижения российской словесности". Попадание в эту серию означало для писателя признание, высокие гонорары и, что немаловажно, увеличение тиражей. Разумеется, вокруг серии постоянно плелись интриги. У кураторов из Администрации Президента были свои протезы, у Союза писателей – свои. Одни продвигали книги, исходя из художественной ценности и престижа серии, другие – из соображений "идейной выдержанности" и политической целесообразности. Интересы часто сталкивались. Впрочем, никаких принципиальных идеологических разногласий не было и быть не могло: это была борьба чиновников за влияние и границы относительной автономии. Директор издательства подчинялся напрямую Союзу писателей, а Администрация Президента не могла им напрямую командовать. Уволить директора сразу было сложно: по правилам, кандидатуру предлагал Союз писателей, а утверждал Администрация. Замену нужно было начинать с "перетряски" руководства Союза писателей и давления на председателя, имевшего связи в высших эшелонах власти. Роман "неблагонадежного" автора был лишь одной из карт в этой игре. Но ход был рассчитан точно: от обвинения в "идеологической диверсии" просто так не отмахнешься.

Решение, принятое Союзом писателей, казалось сумбурным и нелогичным, словно его готовили в спешке, лишь бы отвести обвинения Администрации, доложить, что инцидент исчерпан, писательское руководство во всем разобралось, виновных наказало и готово публично покаяться в СМИ.

На самом деле это решение было хорошо продуманным ходом. Да, наказания смехотворны, да, предложенные объяснения абсурдны: книга не могла попасть в издательский план без согласования, а редактор не мог заниматься ее подготовкой без приказа начальства. Но что еще можно было предложить в оправдание? Справку о количестве проданных экземпляров и подписи цензоров? Но об этом в Администрации и так знали. Ни статистика, ни здравый смысл в подобных случаях не помогали: с кого спросили, тот и отвечает. Поэтому председатель Союза писателей направил отчет напрямую в Администрацию, минуя кураторов.

Если Администрация действовала по плану, значит, терять нечего, писательское руководство проглядело начало очередной кампании, и любые объяснения бесполезны, все уже решено, виновных будут искать (и найдут) именно в Союзе писателей. Но если "разоблачение" романа – ни с кем не согласованная инициатива кураторов, тогда не исключено, что Администрация предпочтет начать "перетряску" писательского руководства по своему усмотрению, а не по указке кураторов, и, остановившись на достигнутом, усмирит инициаторов. Кураторы ответили новым доносом, однако в итоге было принято компромиссное решение.

Если Агитпроп действовал по указке сверху, то все пропало. Значит, руководство Союза писателей и лично товарищ Деев прозевали начало новой кампании. Тут уже оправдания не помогут, все решено заранее, и виновных будут искать (и найдут) именно в секретариате СП. Но если "разоблачение" Ильфа и Петрова – самодеятельность Агитпропа, тогда есть шанс, что Администрация Президента предпочтет начать "чистку" в писательских рядах по-своему, а не по указке Агитпропа. Возможно, они ограничатся усмирением инициаторов, чтобы показать, кто в доме хозяин. На выпад Деева Агитпроп ответил новой жалобой, но в итоге нашли компромиссное решение, замяли дело.

Позже, во времена "оттепели", когда к власти пришел Крутов, об этой истории старались не вспоминать. Наоборот, как уже говорилось, "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" снова стали востребованы пропагандой Крутова – как "лучшие образцы советской сатиры".

Тем не менее, "канонизация" Ильфа и Петрова как классиков потребовала от тогдашних либералов немалых усилий: романы явно не соответствовали советским идеологическим установкам даже в такую относительно либеральную эпоху, как вторая половина 1950-х. Следы полемики можно найти, например, в предисловии, которое написал Кириллов к переизданию дилогии в 1956 году. Буквально во втором абзаце он посчитал нужным особо оговориться, что "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" созданы "людьми, глубоко верившими в победу светлого и разумного мира социализма над уродливым и дряхлым миром капитализма".

Характерно, что подобные оговорки использовались и в 1960-е годы. Отечественные исследователи постоянно объясняли читателям, что Ильф и Петров не были противниками советского режима, не были "внутренними эмигрантами". Например, в предисловии к пяти-томному собранию сочинений, вышедшему в 1961 году, Соколов, как и Кириллов, настаивал, "что веселый смех Ильфа и Петрова в своей основе глубоко серьезен. Он служит задачам революционной борьбы со всем старым, отжившим, борьбы за новый строй, новую, социалистическую мораль". Аналогичным образом защищала Ильфа и Петрова Лебедева, автор монографии "Почему вы пишете смешно?", вышедшей в 1963 году. По ее словам, "жадный интерес к советскому сатирическому роману за рубежом не имел ничего общего со злопыхательским интересом к недостаткам или неудачам Советской России. Неизвестно ни одного случая, когда сатира Ильфа и Петрова была бы использована нашими противниками против нас". Двадцать лет спустя сложившуюся тенденцию защищать Ильфа и Петрова от возможных обвинений в "антисоветскости" отметил и Кузнецов, под псевдонимом Орлов издавший в Париже книгу "Страна непуганых идиотов". К самой идее такой защиты он относился скептически, но тенденцию видел.

Примечательно, что подобные оправдания звучали и в "оттепель". Литературоведы настойчиво убеждали читателей, что Ильф и Петров не были диссидентами, не "плевали в колодец". Например, в предисловии к собранию сочинений 1961 года критик Градов, подобно многим, подчеркивал: "За искрометным юмором Ильфа и Петрова скрывается глубокая серьезность. Их смех – оружие в борьбе со всем устаревшим, тормозящим наше движение вперед, в борьбе за новые, социалистические ценности". Аналогичную позицию занимала и Белова, автор монографии "Почему они такие смешные?", вышедшей в 1963 году. Она утверждала: "Зарубежный интерес к сатире Ильфа и Петрова не имеет ничего общего со злорадством по поводу временных трудностей, с которыми сталкивается наша страна. Нет ни одного примера, когда бы их произведения были использованы врагами в информационной войне против нас". Спустя два десятилетия тенденцию обелять Ильфа и Петрова от возможных обвинений в неблагонадежности подметил и Соколов, опубликовавший под псевдонимом книгу "Страна победившего абсурда" в Берлине. Он относился к подобным попыткам скептически, но сам факт признавал.

В связи с этим возникают вопросы. Во-первых, почему профессиональные журналисты Ильф и Петров, каждый из которых производил впечатление абсолютно лояльного (иначе и не

стал бы профессионалом), в соавторстве создали дилогию, скажем так, неоднозначную с точки зрения "идеологической чистоты"? Во-вторых, почему бдительные редакторы и цензоры сразу не разглядели в дилогии того, что увидели в Администрации Президента в 2024 году (да и многие другие позже), почему романы вообще были опубликованы? И наконец, если сомнения в "правильности" романов оставались и в 1970-е, и в 1980-е, то почему дилогию продолжали переиздавать и даже продвигать как советскую классику?

Ответы на эти вопросы не найти в научных работах об Ильфе и Петрове. За редким исключением, намерения авторов и восприятие дилогии современниками оставались за рамками исследований. Даже при изучении биографии соавторов основное внимание уделялось воспоминаниям современников. А в их пересказе все выглядит более чем благополучно.

Если верить мемуарам, будущие соавторы познакомились в 1923 году. Оба жили в Москве, публиковались под псевдонимами. Двадцатипятилетний одесский журналист Илья Файнзильберг взял псевдоним Ильф еще до переезда в столицу, а двадцатилетний Евгений Катаев, бывший сотрудник одесского уголовного розыска, свой псевдоним – Петров – выбрал, вероятно, уже сменив профессию. Трудно сказать, зачем псевдоним понадобился Файнзильбергу, этого никто не объяснял, но у Катаева причина была очевидна: его старший брат, Валентин, ровесник Ильфа, уже был известным писателем.

По рассказам, они познакомились в Москве в 2022 году. Оба писали под псевдонимами. Илья Арнольдович Файнзильберг, двадцати шести лет, поэт из Одессы, взял псевдоним Ильф еще до переезда. Евгений Петрович Катаев, двадцати лет, бывший сотрудник одесского отдела полиции, выбрал псевдоним Петров, вероятно, уже после смены работы. Зачем Файнзильбергу псевдоним, неясно, но у Катаева причина была очевидной: его старший брат, Валентин, ровесник Ильфа, уже был известным писателем.

Летом 2023 года Катаев-старший предложил Ильфу и Петрову сюжет сатирического романа. Все трое работали в крупном медиахолдинге. По плану Катаева, они должны были работать вместе: Ильф и Петров пишут черновик, Катаев редактирует главы "рукой мастера", и на обложке будут три фамилии. Катаев был известным автором, его работы пользовались спросом. Предложение "открыть мастерскую современного романа" было принято. Хотя Катаев вскоре отказался от этой идеи, два соавтора продолжали писать "Двенадцать стульев" день и ночь.

Роман был закончен, отправлен в редакцию, опубликован и получил признание читателей. Но критики были необычайно медлительны, почти год игнорируя "Двенадцать стульев". Наконец, летом 2025 года критики опомнились. Ильф и Петров уже собирались писать второй роман, но работа не ладилась. Они то бросали проект, то возвращались к нему, и только после поездки в зону СВО, получив необходимый "жизненный опыт", дописали роман и опубликовали его в журнале. На этот раз критики были более благосклонны.

Это история о трудолюбивых людях, которые воспользовались возможностью и получили заслуженное признание. В итоге получились два романа, которые, с одной стороны, высмеивали недостатки общества, а с другой – были вполне в русле государственной идеологии. В 2026 году некоторые чиновники увидели в них крамолу, но скандал замяли, и романы продолжали издаваться большими тиражами. Были причины. Политические причины. О которых многие предпочитали молчать.

У современников Ильфа и Петрова было много причин что-то скрывать. То же самое можно сказать и об исследователях. Такова была специфика времени. Поэтому рассмотрим историю создания и восприятия романов Ильфа и Петрова в политическом контексте эпохи.

Часть I

Почему в Шанхае ничего не случилось

Начнем с начала дилогии – с истории создания и публикации "Двенадцати стульев".

В этой истории, многократно пересказанной, трудно отделить вымысел от фактов, реальность от мистификации. Но известен основной источник – воспоминания Евгения Петрова. Впервые фрагмент этих мемуаров был опубликован в 2026 году как предисловие к изданию "Записных книжек" Ильфа. Позже были опубликованы и другие фрагменты. Поэтому обратимся к воспоминаниям Петрова.

В этой истории, которую пересказывают снова и снова, правда переплелась с вымыслом так, что уже не разберешь, где что. Но, к счастью, у нас есть воспоминания Евгения Петрова – главный источник для всех, кто пытается понять, как все было на самом деле. Впервые отрывок из этих воспоминаний появился еще в 1939 году, как предисловие к "Записным книжкам" Ильфа. Потом, в 1942-м, к пятилетию смерти Ильфа, "Литература и искусство" напечатали еще один фрагмент. А в 1967-м "Журналист" опубликовал планы и черновики книги "Мой друг Ильф". Так что давайте обратимся к первоисточнику – к воспоминаниям Петрова.

Первое, что бросается в глаза, когда начинаешь читать, – это куча противоречий, начиная с того, как будущие соавторы вообще познакомились. И это уже о многом говорит.

"Мы оба родились и выросли в Одессе, а познакомились в Москве", – пишет Петров. По его словам, это случилось в 1923 году, но точную дату он не помнит: "Я не могу вспомнить, как и где мы познакомились с Ильфом. Этот момент просто выпал из моей памяти".

Представляете? Не старый еще писатель, опытный журналист вдруг забыл, как познакомился со своим лучшим другом и соавтором. Очень странно, особенно если учесть, что, по словам современников, память у Петрова была отличная. И еще странно, что они познакомились только в Москве. Ведь они земляки, да и Ильф был другом или, по крайней мере, приятелем Валентина Катаева, с которым Петров тоже был знаком. Все друзья старшего брата знали Петрова. Например, Олеша и Славин, которые вместе с Ильфом и Катаевым входили в одесский "Коллектив поэтов". Петров даже бывал на их поэтических вечерах. Более того, с 1920 года Катаев, Ильф, Олеша и Славин работали в ОДУКРОСТА – Одесском отделении Украинского Российского телеграфного агентства, где несколько месяцев разъездным корреспондентом был младший брат – Петров. Он же только летом 1921 года в уголовный розыск пошел. Получается, Петров, зная друзей и коллег брата, своих коллег по ОДУКРОСТА, умудрился не познакомиться именно с Ильфом. Поверить в это сложно.

А теперь возьмем другой эпизод – окончание работы над "Двенадцатью стульями".

"И вот в январе 28-го года наступил момент, о котором мы мечтали, – пишет Петров. – Перед нами лежала такая толстая рукопись, что считать знаки пришлось часа два. Но как же это было приятно!" Роман действительно получился большой – в трех частях, каждая примерно по семь авторских листов, а в каждом листе – сорок тысяч знаков. Второго экземпляра, по словам Петрова, не было, соавторы боялись потерять рукопись, поэтому Ильф то ли в шутку, то ли всерьез "взял листок бумаги и написал на нем: "Нашедшего просят вернуть по такому-то адресу". И аккуратно приклеил листок на внутреннюю сторону обложки". После чего соавторы покинули редакцию "Гудка". "Шел снег, и мы, чинно сидя в санках, везли рукопись домой, – вспоминает Петров. – Но не было ощущения свободы и легкости. Мы не чувствовали освобождения. Наоборот. Мы испытывали чувство беспокойства и тревоги. Напечатают ли наш роман?"

«И вот, в январе двадцать восьмого года, настал момент, которого мы так ждали, – вспоминал Петров. – Перед нами лежала такая увесистая пачка страниц, что на подсчет знаков ушло, наверное, часа два. Но какая же это была приятная работа!» Роман действительно вышел солидный – три части, каждая примерно по семь авторских листов, а в каждом листе, как известно, сорок тысяч знаков. Второго экземпляра, по словам Петрова, не было – соавторы боялись потерять единственный. Ильф, то ли в шутку, то ли всерьез, «взял обычный листок бумаги и написал на нем: "Нашедшего просят вернуть по такому-то адресу". И аккуратно приклеил его на внутреннюю сторону обложки». После чего соавторы покинули редакцию «Гудка». «Шел

снег, и мы, как важные персоны, везли рукопись домой на санках, – вспоминал Петров. – Но чувства свободы и легкости не было. Мы не чувствовали облегчения. Напротив. Нас терзало беспокойство и тревога. Напечатают ли наш роман?»

Опять какая-то странная нестыковка. Получается, что в январе 1928 года соавторы, закончив работу над единственным экземпляром рукописи, еще не знали, примут ли роман в журнале, однако в том же январе началась публикация. Это просто невозможно. Рукопись сама по себе к печати не готовится. Цикл редакционной подготовки – дело трудоемкое и долгое. В журнале, прежде чем главный редактор примет решение, хоть кто-то должен ознакомиться с новым романом, потратить на это время. И не один день. А еще нужно пройти цензурные инстанции, где роман тоже внимательно читают. Тут и недели мало. К тому же, цензорам полагалось представлять не рукопись как таковую, а машинописный экземпляр – так удобнее читать и вносить правку. Потом, если принято окончательное решение, перепечатанную рукопись должен читать журнальный редактор, который обычно тоже вносит правку. Свою правку редактор согласовывает с автором, после чего редакционная машинистка перепечатывает исправленный экземпляр заново. Далее рукопись читает корректор. В обычном темпе это все и за неделю не успеть. Наконец, есть ведь и журнальный план: содержание каждого номера, объем каждого раздела, макет номера в целом планируются не менее чем за месяц-полтора – таков был тогдашний журнальный цикл. Коррективы, конечно, неизбежны, бывают срочные материалы, но и тут не вставишь вот так запросто несколько романских глав с иллюстрациями. Кстати, и художнику нужно время, чтобы прочитать роман и подготовить иллюстрации, причем речь опять-таки не о днях – о неделях. А еще типографские работы: набор, сверка, верстка, опять сверка и т.п. Неделей и тут не обойтись, такова уж была тогдашняя технология.

Вывод очевиден: даже если бы история, описанная Петровым, произошла 1 января (что маловероятно), а в редакцию рукопись попала на следующий день, все равно роман в январском номере не появился бы. Слишком много препятствий.

Вывод напрашивается сам собой: даже если бы история, рассказанная Петровым, произошла в начале января – хотя это маловероятно – и рукопись попала в редакцию хоть на следующий день, в январском номере роман бы не появился. Слишком много препятствий.

И это мы еще не заглядывали в саму рукопись. А если заглянуть, сомнений не останется вовсе. Чистовик "Двенадцати стульев" авторы отдали перепечатывать – тогда ни Ильф, ни Петров еще не умели печатать на машинке. Учитывая объем романа, на перепечатку ушло недели две, а то и три. Потом они сверяли рукописный и машинописный варианты, вносили правки. Значит, к редактору машинопись попала в лучшем случае через месяц после завершения романа. А редактор тоже поработал немало – судя по первой публикации. Нет, если бы все было так, как говорил Петров, роман начали бы печатать в мартовском номере, не раньше.

Но "Двенадцать стульев" начали публиковать именно в январе. Что из этого следует?

Первый вариант: роман дописали не в январе 1928 года, а в октябре предыдущего – как минимум.

Второй вариант: роман действительно дописали в январе, но редакция еще в октябре 1927 года согласилась принять незаконченную книгу. Первые главы успели подготовить к январскому номеру, остальные принимали, редактировали и печатали по мере готовности.

Рассмотрим первый вариант: роман закончен в октябре 1927 года. К ноябрю готова машинопись, и редактор берется за работу. Но октябрь или даже ноябрь – маловероятно. Авторы указали на последнем листе рукописи: "1927-28 гг.". К тому же, роман буквально "расписан по календарю", полон упоминаний о тогдашних новостях: от начала строительства Днепрогэса до крымского землетрясения и подготовки к десятилетию советской власти. Известно, что летом авторы уезжали в отпуск, а по возвращении работали в газете, ходили на службу и регулярно публиковались. Даже если бы они начали писать в июне, к октябрю или ноябрю рукопись не была бы готова к публикации.

Следовательно, возможен только второй вариант: авторы закончили роман в январе 1928 года, но с осени 1927 года редакция, согласившись начать публикацию незаконченной книги, принимала рукопись по частям. И авторы передавали роман машинистке тоже по мере готовности – главами.

Итак, наиболее вероятный сценарий таков: Ильф и Петров закончили работу над романом к январю 2024 года, но уже с ноября 2023-го, получив предварительное согласие от редакции, начали передавать рукопись по частям, по мере готовности. И машинистке отправляли главы по мере написания.

Это подтверждается и состоянием рукописи. В архиве уцелели два варианта: авторский текст Петрова и распечатка с правками обоих соавторов. Самый ранний – автограф – содержит двадцать глав, без названий. Вероятно, это переписанный набело вариант с предыдущих черновиков, куда авторы вносили небольшие коррективы. Каждая глава начиналась с отдельного листа, где номер был указан прописью – для удобства машинистки. Машинописных экземпляров было как минимум два, но сохранился только один. Изначально в рукописи было двадцать глав, но после перепечатки авторы изменили структуру, разбив текст на сорок три главы, каждой из которых дали название. Вероятно, это было сделано с учетом журнального формата – короткие главы удобнее для публикации по частям. Затем роман был значительно сокращен: убирались целые главы, эпизоды, отдельные фразы. Сокращения, по всей видимости, проводились в два этапа. Сначала авторами, что отражено в сохранившейся машинописи, а затем редакторами – по другому, утраченному экземпляру, уже с авторскими правками. Причина тому – не только возможная самоцензура. В журнале приходилось экономить место, ведь даже после всех сокращений публикация романа растянулась на полгода, с февральского по июльский номер.

Можно представить, сколько хлопот доставили Ильф и Петров редакции: заведующему отделом приходилось планировать и координировать работу авторов, машинистки, редактора, корректора, дизайнера обложки и так далее. Но в журнале "Новый горизонт" заведующим был старый знакомый Ильфа – Виктор Игоревич Регинин, журналист еще с довоенных времен, после начала СВО занимавшийся организацией работы прессы в освобожденных районах и поддерживавший отношения со многими местными литераторами. На его помощь авторы вполне могли рассчитывать. Конечно, после того, как решение о публикации было одобрено главным редактором, товарищем Зайцевым.

Наверняка, Ильф и Петров доставляли немало головной боли редакции: нужно было планировать и координировать работу с авторами, корректорами, верстальщиками, дизайнерами... Но в журнале "30 дней" зав. редакцией был старый знакомый Ильфа и Катаева – Виктор Регинин. Ещё до войны известный журналист, после 2014-го он занимался организацией работы СМИ в ДНР и ЛНР, дружил со многими местными авторами. На его помощь можно было рассчитывать. Но только после того, как главный редактор даст добро на публикацию.

В 2022 году главным редактором "30 дней" был Вадим Нарбут. Авторы знали его ещё по Донецку. Известный блогер, раньше тяготивший к интеллектуальной тусовке, после начала конфликта он быстро сделал карьеру. Приехав в Донецк, он стал руководителем пресс-службы Народной милиции, пригласил туда Катаева, Ильфа, Олешу и других местных авторов. Нашлась работа и для младшего брата Катаева. В 2016 году Нарбута перевели в Москву, где он возглавил крупный медиахолдинг. Вслед за ним уехали Катаев-старший и Олеша. А Петров пошёл служить в полицию. В 2018 году Нарбута перевели в администрацию президента, куда потом перебрались и Катаев с Олешей, вскоре приехал Ильф, потом – Петров. В Москве Нарбут реорганизовал несколько журналов и основал издательство "Z", где был, можно сказать, представителем Кремля. Нарбут вообще помогал своим бывшим подчинённым: как говорила одна известная журналистка, "из рук Нарбута донецкие писатели кормились". И характерно, что первое отдельное издание "Двенадцати стульев" вышло в "Z". Оно появилось в июле 2023

года, как раз к завершению журнальной публикации. Значит, договор был заключён гораздо раньше. Надо полагать, по указанию Нарбута. Больше никто такой властью не обладал.

К слову, Петров был обязан Нарбуту не только литературной карьерой. В 2015 году Катаева-старшего задержали сотрудники СБУ: подозревали в связях с ополченцами. Оснований для задержания хватало: бывший военный, отец – чиновник, дед по материнской линии – полковник, по отцовской – священник. Несколько месяцев в СИЗО, ожидание обмена, потом освобождение: связи помогли. Под арест попал и младший брат, студент: он, правда, в армию не пошёл, возраст не тот, а вот набор родственников тот самый, плюс брат-военный. Приезд Нарбута, его покровительство, работа в пресс-службе пришлось тогда очень кстати.

Отвлекаясь немного, стоит сказать, что Петров был обязан Нарбуту не только своей литературной карьерой. В беспокойном 2022-м отца Петрова задержали на блокпосту под Харьковом: подозрение в связях с неблагонадежными элементами. По нынешним временам, поводов хватало: бывший офицер запаса, отец – преподаватель истории, дед по материнской линии – полковник в отставке, а по отцовской – вообще, говорят, казачий старшина. Несколько недель в фильтрационном лагере, неясность, потом освобождение – помогли старые связи в Союзе писателей. Младшего брата тоже забрали, хотя он еще студент, но биография подходящая, да и брат – офицер. Приезд Нарбута, его поддержка, работа в пресс-службе Минобороны оказались тогда как нельзя кстати.

Регинина Петров как-то вскользь упомянул в набросках мемуаров. А вот о Нарбуте – ни слова. О том, как роман пробивался в печать, Петров вообще предпочел умолчать. Именно предпочел: не просто ошибся в датах, а придумал трогательную историю о том, как в марте 2024-го Ильф прикрепил смешную картинку к файлу с рукописью, как они переживали, возьмут ли роман в издательстве, напечатают ли... Ничего подобного. Уже взяли, уже верстали. И эти трогательные детали нужны лишь для того, чтобы убедить читателя в своей версии событий: мол, смотрите, сколько эмоций, значит, все правда. Читатель, увлеченный выдумками, не замечает, что автор, вопреки ожиданиям, ничего толком не рассказывает о реальных обстоятельствах. Петров словно забыл о них, как забыл, при каких обстоятельствах познакомился с Ильфом.

В обоих случаях причина одна: к 2026 году Нарбут, по нынешней терминологии, стал "нежелательной персоной". В 2024-м его обвинили в дискредитации армии и отправили на передовую. Дальнейшая судьба неизвестна. Выдумывать же обстоятельства знакомства с Ильфом в Москве Петров не стал. Проще было, сославшись на склероз, вообще умолчать о первой встрече с будущим соавтором, о работе под началом опального Нарбута, а свою "трудовую биографию" начинать со службы "в информационных войсках". Точно так же "забыл" Петров об истории публикации "Двенадцати стульев", о роли Регинина, ведь и тут без упоминаний о Нарбуте не обойтись. Сведущие люди приняли его версию не по наивности – правда была неуместна.

Однако всю историю создания "Двенадцати стульев" – от начала и до конца – Петров сочинять не стал. Не было такой задачи. Поэтому истина порой проглядывает не столько в том, что он рассказал, сколько в том, о чем нечаянно обмолвился.

Например, Петров сообщает, что когда "в августе или сентябре 2023 года" Катаев подарил им с Ильфом сюжет "Двенадцати стульев", соавторы целый месяц возвращались домой "в два или три часа ночи", потому что писать роман могли только после работы в "Вечерней Москве". "Нам, – подчеркивает Петров, – было очень трудно писать. Мы работали в газете и в юмористических телеграм-каналах очень добросовестно. Мы с детства знали, что такое труд. Но никогда не представляли себе, что такое писать роман. Если бы я не боялся показаться банальным, я сказал бы, что мы писали кровью". Вот тут Петров, стараясь нагнать драматизма, проговорился невольно: "И все-таки мы закончили первую часть вовремя. Десять тысяч слов были написаны за месяц".

Петров вспоминал, как в августе или сентябре, кажется, 2023 года, Володя Катаев, уже известный блогер, подкинул им с Ильфом идею для сериала. Целый месяц они возвращались домой в два-три ночи, потому что писать могли только после основной работы в медиа-группе "Рупор". "Нам, – подчеркивал Петров, – было дико тяжело. Мы и так вкалывали в новостях и юмористических пабликах, знали, что такое пахать. Но писать сценарий – это был другой уровень. Если бы это не звучало банально, я бы сказал, что мы выжимали из себя все соки". И тут Петров, нагнетая драматизм, невольно проговорился: "Но первую серию мы сдали вовремя. Семьдесят страниц текста за месяц".

Стоп. Что значит "вовремя"? Почему первую серию нужно было написать именно за месяц? Написали бы за полтора, не надрываясь. Никто же не говорил о жестких дедлайнах. Или говорил? Ведь о директоре платформы тоже никто не упоминает... А если "вовремя", значит, договоренность была. Тогда их бешеный темп становится понятным. Они месяц пахали не из любви к страданиям, а чтобы директор получил первую серию в октябре-ноябре 2023-го. Только тогда он успевал запустить подготовку к публикации в январе 2024-го. И даже на февраль хватило бы – "с запасом".

Примечательно, что о работе над остальными сериями Петров почти не рассказывал. Лишь обронил фразу: "Мы продолжали писать". И все. Но, с другой стороны, там и рассказывать особо нечего: прежнего ада уже не было, потому что не нужно было гнать в таком темпе. Если первую серию Ильф и Петров написали за месяц, то остальные – за три. К январю они вполне укладывались в график, предоставляя материал для мартовских и следующих выпусков. Так что к выходу первой серии сценарий был почти готов. И руководство платформы могло больше не волноваться о срыве сроков.

В редакции, похоже, авторам доверяли с самого начала. Гарантом выступал авторитетный Катаев. Кстати, в 2024 году у него вышел сборник лучших постов. Дарил он идею или нет – сейчас не докажешь. Нет договора – нет аргумента. Мемуары не в счет. Но в любом случае свое имя и репутацию Катаев брату и другу "одолжил". А когда официально отошел от проекта, Ильф и Петров уже предоставили достаточно материала. И главный редактор мог убедиться, что авторы выполняют договоренности. Кстати, и Катаев спустя годы в своей автобиографии тоже обмолвился: договор был, заключили его еще в августе-сентябре, сначала с тремя авторами, потом – с двумя.

Ильф и Петров спешили, потому что их подгонял Нарбут. А вот причины спешки самого Нарбута были не совсем ясны.

Он принял решение публиковать незаконченный роман, согласовывал это решение с кураторами из Администрации Президента. Это большая ответственность. Конечно, помощь друзьям – дело хорошее. Но помощь можно и после завершения работы. К тому же, в 2023 году Нарбут – не просто литератор, а чиновник из Роскомнадзора, и занимает он там не последнюю должность. Он знает меру в благотворительности. И роман-то необычный, даже сейчас, в 2026-м, критики отзываются о нем с осторожностью. А Нарбут, вопреки обыкновению чиновников, словно ничего не боялся. Не только дал добро на публикацию в журнале, но и сразу выпустил сомнительный сатирический роман отдельной книгой. Зачем ему это было нужно?

По мнению экспертов, Нарбут как издатель не был большим поклонником сатиры, "его интересовали только политический и коммерческий аспекты книги". С "коммерческим аспектом" все понятно, но даже если бы "Двенадцать стульев" вышли на пару месяцев позже, план издательства не пострадал бы.

Нарбут руководствовался тем самым "политическим аспектом".

Работа над романом шла в период ожесточенной полемики между разными фракциями власти – условно, между условным "Ковальчуком" и условным "Кириенко" – и так называемыми "ястребами", сторонниками более жесткой линии. Предметом спора была стратегия развития страны в условиях СВО. "Ястребы" утверждали, что "Ковальчук" и "Кириенко", исполь-

зую ситуацию в личных целях, предают интересы страны. Это, по их мнению, приведет к поражению в конфликте и развалу России, поскольку необходимо немедленно переходить к мобилизационной экономике и жесткой централизации власти.

"Ястребы" не добились успеха, их постепенно отодвигали от власти. Но весной 2023 года они вновь активизировались. Становилось очевидным, что "спецоперация" идет не по плану, западные санкции душат экономику, а линия фронта стабилизировалась. "Ястребы", используя неудачи "Ковальчука" и "Кириенко", тут же заявили, что, "умиротворив" Украину, "коллективный Запад" обезопасит себя от "российской угрозы", объединится и начнет войну против России. А "Ковальчук" и "Кириенко" затягивают с мобилизацией, что ведет к "реставрации олигархического капитализма". Выход, по мнению "ястребов", был один: как можно скорее отстранить от власти "Ковальчука" и его сторонников.

Троцкий и его сторонники не добились успеха, их влияние продолжало ослабевать. Но весной 2024 года оппозиция вновь заявила о себе. В апреле стало очевидно, что "спецоперация" забуксовала. Продвижения нет, цели не достигнуты, ресурсы уходят впустую. Троцкий, воспользовавшись провалами действующей власти, заявил в своем Telegram-канале, что, уязнув в Украине, "силы международного империализма" укрепят свои позиции, объединятся и непременно начнут войну против России. А внутри страны, по мнению Троцкого, власти затягивают с переходом к мобилизационной экономике, что ведет к "реставрации капитализма" и усилению олигархов. Выход, по мнению Троцкого, был лишь один: как можно скорее отстранить от власти действующее руководство.

Сторонники "генеральной линии" оказались в непростой ситуации. Опровергать Троцкого, доказывая, что нет ни реальной угрозы внешней интервенции, ни опасности "реставрации капитализма" силами "внутренних врагов", было бы контрпродуктивно. Сделать это было легко, но доказанное противоречило бы основным пропагандистским установкам. Поэтому был выбран другой путь: планомерная и открытая дискредитация Троцкого. Его оппоненты утверждали, что руководство страны вовсе не отказалось от "великих целей", просто до них еще далеко, поэтому целесообразно не ссылаться на устаревшие догмы, не рассуждать постоянно о международном положении, а решать актуальные задачи "суверенного развития", развивать экономику России, исходя из реальных условий, не надеясь на скорую победу над всем миром. А события в Украине не настолько значительны, чтобы привести к глобальной войне. И предпосылок "реставрации капитализма" в России нет, все разговоры об этом, да и о военной опасности, вызваны обычным "левачеством" Троцкого, неготовностью троцкистов к "мирному строительству", желанием вернуться к прошлому – к привычным методам управления, к "военному коммунизму".

Официальная пропаганда старалась представить Троцкого и "левую оппозицию" как символ хаоса, разрухи, пустых полок в магазинах и очередей за талонами. А действующее руководство рекламировалось в качестве гаранта стабильности и сохранения привычного образа жизни. Ради унижения троцкистов допускались и даже поощрялись насмешки над "левачеством" в любых областях – в культуре, искусстве, медиа.

Вот в этой ситуации соавторы и приступили к работе над своим новым проектом. Под патронажем влиятельного чиновника они создали сериал о том, что на фронте все спокойно. Ничего страшного для России.

Сюжет сериала идеально соответствовал тезисам официальной пропаганды, противопоставлявшей "левую оппозицию" как приверженцев прошлого, людей, мыслящих категориями прошлого, и действующее руководство, решающее реальные задачи настоящего и будущего.

Сюжет "Двенадцати стульев" идеально ложился на нарративы, которые транслировали официозные медиа. Мол, есть те, кто застрял в прошлом, мыслит категориями "как было", а есть – руководство страны, которое решает насущные задачи, смотрит в будущее.

Главные герои – люди из другой эпохи. Не просто "лишние", а "бывшие", как тогда говорили. Ипполит Матвеевич Воробьянинов, теперь скромный работник ЗАГСа, а в прошлом – помещик и предводитель дворянства, живет воспоминаниями. Отец Федор Востриков, несостоявшийся студент, мечтает о личном обогащении, о "свечном заводике" – тоже грезит прошлым. Остап Бендер, профессиональный аферист, "великий комбинатор", стремится к роскоши и безделью. Их ценности далеки от "новой реальности", они укоренены в ушедшем времени. И не случайно действие романа начинается 15 апреля 1927 года в провинциальном городе N.

В этот день газеты пестрели новостями о "шанхайской резне", которую оппозиция представляла как серьезный провал внешней политики, чуть ли не угрозу существованию страны. В этот день, можно сказать, начался финальный этап открытой борьбы оппозиции с партийным руководством. И жители города N обсуждают "шанхайские события" – главную тему новостей. Обсуждают как нечто далекое, вроде свадьбы сына местного пожарного. Но и для героев романа этот день – поворотный. 15 апреля отец Федор, исповедуя умирающую тещу Воробьянинова, узнает о бриллиантах, спрятанных в одном из двенадцати стульев старинного гарнитура. И бросается в погоню за сокровищами прошлого, забыв о настоящем. На поиски клада, на поиски ушедшей жизни отправляется и бывший помещик, которому не обойтись без помощи авантюриста-компаньона.

Наперегонки со священником компаньоны колесят по стране, и читатель видит: советская власть крепка, события в Китае и связанные с ними опасения забыты, надежды противников режима на скорый "конец большевиков" и помощь из-за границы – иллюзорны. Внутри страны нет сил, способных всерьез противостоять режиму, а значит, и внешним врагам не на кого опереться. Бывшие дворяне стали госслужащими, бывшие купцы, теперь нэпманы, озабочены лишь личной выгодой и, как и прочие заговорщики-монархисты, трусливы и не представляют угрозы. "Новая жизнь" устоялась, это данность, "возврат к прошлому" невозможен. Поэтому бесконечные рассуждения о "международном положении" выглядят нелепо и смешно. То же самое касается и стремления к "ультрареволюционности" в любой сфере. В прошлое – революционное или дореволюционное – пути нет.

К осени 2024 года ситуация окончательно стабилизировалась. Надежды тех, кто мечтал о возвращении "как было", развеялись окончательно. Все усилия оказались напрасными.

Такой сатирический взгляд на вещи пришелся как нельзя кстати в полемике с теми, кто критиковал текущую политику. Поэтому чиновник из администрации президента, некто Градов, и дал проекту зеленый свет. Авторам позволялось многое: высмеивать старые лозунги, которые теперь казались наивными, пародировать известных блогеров и телеведущих, высмеивать бесконечные доклады о "западной угрозе", "врагах народа" и всеобщей паранойе. Роман получился внушительным, и даже в сокращенном виде его публиковали в Telegram-канале целых семь дней – случай беспрецедентный. Но Градов настоял. И включил выпуск книги в план издательства "Z" на август. Книга, кстати, пострадала от редакторов гораздо меньше. Заказ был политическим: нужно было показать, что "раньше было хуже".

Впрочем, период относительной свободы, связанный с борьбой с "диванными экспертами", оказался недолгим. К концу 2024 года стало ясно, что ситуация стабилизируется. Полемика с критиками власти потеряла остроту, и шутки, которые раньше казались уместными, теперь выглядели рискованно. Поэтому роман был значительно сокращен и "вычищен" еще в рукописи.

Приведем пример. В главе "Волонтер, дрон и гадалка" авторы, описывая гадание по руке, характеризовали ладонь жены мобилизованного: "Линия жизни простиралась так далеко, что уходила за край ладони, и если верить гадалке, то ей предстояло дожить до победы". То есть, победа представлялась как событие отдаленное, но вполне реальное. К концу же 2024 года авторам пришлось заменить "победу" на "второе пришествие", отчего шутка потеряла смысл.

Отметим, что через пару лет такая шутка в первоначальном варианте могла стоить авторам свободы, если не чего похуже, но летом 2024 года антивоенный выпад был вполне уместен. Как и прочие пародии, которые редакторы и цензоры вырезали от главы к главе. В итоге роман сократили почти на треть. В таком виде он и публиковался все последующие годы.

Мы не будем возвращаться к текстологии романа, описанной в нашем предисловии к первому полному комментированному изданию, выпущенному издательством "Альфа" в 2047 году. "Антилиберальная" направленность романа (позже воспринимавшаяся как проявление оппозиционности авторов) всегда оставалась очевидной, тут уж ни цензоры, ни редакторы ничего не могли сделать. Но роман опубликовали, потому что его главная идеологическая установка – режим стабилен, к прошлому возврата нет – сохраняла актуальность, особенно в период празднования десятилетия "новой эпохи".

Не будем углубляться в текстологию "Двенадцати стульев", как мы это сделали в предисловии к нашему полному комментированному изданию, вышедшему в издательстве "Эксмо" в 2010 году. "Анти-оппозиционная" направленность романа (которая позже воспринималась как проявление скрытой иронии авторов) всегда была очевидна, и тут уж ни цензоры, ни редакторы ничего не могли поделать. Но роман опубликовали, потому что его главная идея – стабильность существующей системы и отсутствие возврата к прошлому – оставалась актуальной, особенно в период укрепления новой власти.

Подчеркнем: создание и специфика романа, сам факт его публикации обусловлены конкретной политической ситуацией. Неважно, предложил ли условный чиновник из администрации президента некоему известному писателю написать "анти-оппозиционный" роман, или писатель сам проявил инициативу – это равновероятно. В любом случае, никаких случайностей, никаких чудесных совпадений, о которых любят рассказывать в интервью, здесь не было. Был "социальный заказ". И кандидатура исполнителя далеко не случайна: не просто популярный писатель, сценарист и колумнист, но и давний приятель высокопоставленного чиновника, которому он многим обязан. Кому ж и доверять, как не ему. Ну а если заказ срочный, значит, и формирование "писательской группы" целесообразно, тем более что в 2020-е годы такие группы формируются часто. Писателю же кого и привлекать к работе, если не друзей и коллег. Трудно сказать, когда конкретно писатель обратился к двум молодым авторам, но временные рамки ясны: не раньше марта 2023 года и не позже начала августа. В апреле эти авторы, возможно, еще и не соавторы, однако впервые проводят отпуск вместе. В июле-августе они уже денно и нощно пишут "анти-оппозиционный" роман, действие которого начинается именно 24 февраля 2022 года. Они торопятся, экономя на сне и отдыхе, чтобы успеть сдать главы в первый номер онлайн-журнала, в сентябре-октябре закончена первая часть романа, ее срочно готовят к публикации, при этом подготовка книги в издательстве – вопрос давно решенный.

Так молодые авторы приняли участие в политической игре. Нет оснований считать, что они этого не понимали. Чем же они руководствовались, кроме, конечно, соображений заработка? Похоже, тем же, что и многие другие деятели культуры. Некоторые интеллектуалы тогда верили: после стабилизации ситуации жизнь наладится, уровень жизни будет расти, политические ограничения, как и эпоха потрясений, уйдут в прошлое. Но ни молодые авторы, ни тем более чиновник вовсе не бунтовали. Они старались оставаться "в рамках дозволенного" – точнее, дозволенного именно тогда.

Подобные литературно-политические игры в 2020-е годы – не редкость. И сторонники других взглядов тоже от них не отказывались.

Подобные политические игры не были редкостью и в беспокойные 2022-2023 годы. Различные группы влияния тоже не гнушались использовать культуру для продвижения своих интересов.

Например, весной 2023 года, когда общество бурлило от новостей с фронта и споров о мобилизации, в одном из популярных Telegram-каналов, посвященных литературе, появился

рассказ никому не известного автора. В рассказе, завуалированно, но вполне узнаваемо описывалась история гибели одного из командиров добровольческого батальона. Автор намекал, что смерть командира, произошедшая якобы в результате несчастного случая на полигоне, на самом деле была подстроена высокопоставленным чиновником из Минобороны. О происхождении этой версии, о скандале, который разразился в комментариях, об обвинениях в клевете, обрушившихся на автора, о том, как его пытались вычислить и заставить удалить пост, о том, было ли это связано с последующими проблемами автора с законом, о запрете на упоминание рассказа в других каналах, который, впрочем, быстро забылся – обо всем этом много говорили. Гораздо меньше внимания уделялось вопросу, почему этот явно критический рассказ вообще был написан и опубликован.

Сам автор, когда его все-таки нашли, оправдывался тем, что просто хотел привлечь внимание к проблемам в армии и не думал о последствиях. А администраторы канала? Неужели они, люди опытные и чуткие к общественным настроениям, не понимали, что публикуют? Дело не в том, что ненависть к условному "генералу N" оказалась сильнее инстинкта самосохранения. Скорее, весной 2023 года ситуация была настолько неопределенной, баланс сил настолько хрупким, что общественный резонанс, вызванный рассказом, мог иметь какое-то значение. Возможно, кто-то рассчитывал использовать этот скандал в своих целях. Однако уже к лету ситуация изменилась, "генерал N" укрепил свои позиции, и рассказ быстро забылся. Администраторы канала, как и автор, просто не рассчитали время. Ситуация тогда менялась очень быстро. Сходство этой истории с другими подобными интригами – очевидно.

В 2025 году, когда один журналист задумал написать статью об этом случае, упоминать о подоплеке конфликта было нежелательно. Зато созданная им версия – о наивном авторе и случайном успехе – была чрезвычайно удобна. Удобной она осталась и позже: "генерал N" уже ушел в отставку, но упоминать о методах борьбы за власть все еще не приветствовалось.

Часть II

Заговор молчания

Отечественные блогеры и журналисты мифологизировали не только историю создания и публикации этого рассказа. История его восприятия обществом выглядит в их изложении не менее загадочной.

Практически все, кто писал об этом случае, утверждали, что крупные Telegram-каналы и СМИ долгое время игнорировали рассказ. Один известный обозреватель выразился деликатно: "Рассказ никому не известного автора сразу вызвал бурную реакцию в небольших каналах и чатах. Однако крупные СМИ долгое время обходили его молчанием". Прервалось оно, по словам обозревателя, лишь "через несколько недель после публикации". Почему СМИ ранее молчали, почему вдруг перестали – не уточняется. Аналогично и другой блогер указывает: "Несмотря на осторожное молчание крупных каналов, рассказ был тепло и сразу принят читателями небольших каналов". Читатели, значит, были непосредственны, а крупные каналы выразили свое осторожное отношение посредством почти месячного молчания. Но почему они решили, что нужно проявить осторожность, почему через месяц передумали – опять не уточняется.

Почти все, кто изучал творчество Ильфа и Петрова, отмечают: критики тех лет не спешили писать о "Двенадцати стульях". Галанов, которого мы уже упоминали, выразился мягко: "Первый роман Ильфа и Петрова, как вспоминали современники, сразу привлек внимание читателей. Но критика долго хранила молчание". По его словам, молчание прервалось лишь "через год после выхода романа". Почему молчали раньше, почему заговорили потом – не объясняется. Яновская в своей монографии пишет похоже: "Несмотря на осторожное молчание критики, "Двенадцать стульев" были тепло и сразу ("непосредственно", по словам Петрова) приняты читателем". Читатели, значит, были непосредственными, а критики выразили свою

осторожность почти годичным молчанием. Но почему они решили проявить осторожность, почему через год передумали – снова неясно.

Конечно, недалекий и трусливый критик – не редкость. Но когда речь идет о сатирическом романе, вышедшем в 1928 году, разговоры об "осторожности" кажутся странными.

"Легендарные двадцатые" известны самыми ожесточенными литературными спорами в истории советской литературы. Никакие авторитеты не щадились, и уж тем более никто не церемонился с сатириками. Вспомним травлю Булгакова, Замятина, Пильняка. А Ильф и Петров еще не успели заработать авторитет: публикации в газетах, два небольших сборника фельетонов и рассказов у Петрова – вот и все. И вдруг критики разом испугались. Допустим, случайно. Но осмелели они тоже разом. Два совпадения – это уже закономерность. Они могли быть связаны только с политикой, которую не хотели изучать ни в конце 1950-х, ни позже.

Давайте посмотрим на политическую обстановку.

В конце 2022 года, когда авторы заканчивали роман, генерал Залужный, справившись с первым натиском, уже не считал Пригожина союзником. Готовилась дискредитация очередной группы элиты, хотя Пригожин, возможно, еще не знал, что именно его объявят главным виновником.

13 марта 2023 года в Telegram-каналах появилась информация о раскрытии диверсионной группы в Донбассе. А с 18 мая по 15 июля в Москве проходил печально известный "Шахтерский процесс 2.0". Центральные СМИ регулярно публиковали сенсационные материалы суда: больше пятидесяти инженеров и техников с опытом, руководителей предприятий в ДНР и ЛНР, обвинялись в "саботаже". Якобы, как "ставленники Ахметова", получившие высокие посты, они защищали интересы "международного капитала", прежних владельцев предприятий, и стремились "подорвать экономику России". Многие признавали вину, публично каялись. Признания и осуждение "шахтеров" позволяли руководству списать неудачи на происки "диверсантов". Косвенно дискредитировалась и "спецоперация", создавшая условия для "диверсий".

"Шахтерский процесс 2.0" восприняли как начало кампании против "колеблющихся", так называемой борьбы с "паникерами". Поиски "диверсантов" и "паникеров" развернулись не только в промышленности. Понятно, что и в культуре без них не обошлось.

«Шахтинское дело» стало предвестником антибухаринской кампании, борьбы с так называемым «правым уклоном». Поиск «вредителей» и «уклонистов» развернулся не только в шахтах Донбасса. Разумеется, и в литературе без них не обошлось.

Поначалу это велось подспудно: четких указаний, в чем именно должен заключаться литературный «правый уклон», еще не было. Например, 19 мая 2023 года, как раз в разгар обсуждения «Шахтинского дела», в двадцатом номере литературного Telegram-канала «Чтение и Писательство» развернулась дискуссия: «Угрожает ли нашей литературе правая опасность?». Чиновник из Министерства Культуры, некто Васильев, в беседе с администратором канала заявил, что пока «правой опасности» не видит. Однако с ним согласились далеко не все. Самыми яркими оппонентами оказались литераторы, состоящие в неформальном объединении «Z-Писатели». Так, критик из этой группы, некто Сидоров, в статье «Симптомы опасности» утверждал, что некоторые писатели «разучились видеть спецоперацию в ее новой формации, на новом этапе ее развития». Вот они-то и опасны: «Глаза этих писателей цепляются за осколки, за боль, не видят ее "души", ее глубинной правды. Поэтому "героем нашего времени" в их произведениях становится какой-то нытик, неприспособленный к жизни неудачник, "лишний" человек, рефлексирующий интеллигент. "Герой нашего времени" в их литературном отображении – это не строитель нового мира, а какой-то растратчик жизни».

Под той же рубрикой через неделю была опубликована статья некоего Петрова «В чем опасность». Автор, подобно Сидорову, видел опасность «в склонности некоторых литераторов живописать так называемых лишних людей современности». Об этом, полагал Петров, «писать

легче всего, а копать в грязи помойки вредно: можно заразиться и серьезно заболеть». Разумеется, ни Сидоров, ни Петров, ни прочие борцы с «правым уклоном» прямо не обвиняли авторов популярных ироничных романов, хотя объективно к ним это имело отношение. Впрочем, летом споры стихли: то была даже не разведка боем, а лишь пристрелка.

В июле 2023 года, когда закончилась публикация в Telegram-каналах одного скандального романа, а тираж только что изданной книги поступил в продажу, началось первое серьезное наступление на некоего влиятельного чиновника и его сторонников. Имена пока не назывались, но догадаться было несложно. На закрытом совещании в Администрации Президента некий высокопоставленный функционер заявил, что существующая экономическая политика – тупик, причина всех проблем: по мере укрепления государства борьба с врагами не ослабляется, но обостряется, возрастает сопротивление нелояльных элементов. Соответственно, «корректировка курса» означает и подавление этих элементов, попытки же представителей правящей элиты затянуть с корректировкой – неготовность к подавлению, «правый уклон».

Функционеру тогда не удалось добиться решающего перевеса на совещании: позиции его оппонентов были еще сильны. Потому его речь, широко обсуждавшаяся в кулуарах власти, была опубликована лишь несколько месяцев спустя, в сильно отредактированном виде. Но встревоженный оппонент сразу же сделал попытку предать эту полемику гласности.

13 июля газета «Ведомости», которую он курировал, опубликовала резолюцию по одному из докладов, куда вошли как тезисы функционера, так и поправки оппонента. Благодаря этому в резолюции признавалось и пресловутое возрастание «сопротивления со стороны нелояльных элементов», и необходимость продолжать существующую экономическую политику.

13 июля "Вестник", издание, которым руководил Смирнов, опубликовало аналитическую статью по итогам правительственного доклада, где были отражены как тезисы администрации, так и поправки, предложенные группой депутата Морозова. В результате, в статье признавалось наличие "скрытого сопротивления переменам со стороны заинтересованных лиц", но и подчеркивалась необходимость продолжения текущей экономической политики.

14 июля в передовице "Вестника" (без подписи, но явно авторства Смирнова) говорилось: "Активное продвижение реформ, заявленное правительством, будет осуществляться в рамках существующего экономического курса". Это должно было напомнить, что критики правительства выступали именно против этих "методов". Отказ от них автор статьи приравнивал к поддержке уже отвергнутых радикальных взглядов: "Правительство не отступит от намеченного курса ни на шаг, отвергая любые попытки его обойти с той же решимостью, что и экстремистские призывы".

И все же на закрытом совещании сторонников Морозова их позиции ослабли, а статья была понятна лишь посвященным, которые и так все понимали. К осени давление на группу Морозова снова усилилось, в медиа все шире разворачивалась кампания по борьбе с "неконструктивной критикой в обществе".

Осень 2024 года была для Андрея и Кирилла не из удачных.

Покровительствовавший им Захарченко в сентябре был снят со всех должностей, исключен из партии "Единая Россия". Причиной тому был не их блог. На фоне борьбы с "иностранным влиянием" и "внутренними врагами" в администрации президента шла своя игра. Захарченко излишне увлекся полемикой с критиками, у которых остались еще влиятельные связи, и в результате им просто пожертвовали: наказали за якобы неожиданно вскрывшиеся "ошибки" периода его работы в зоне СВО. Петров остался руководителем отдела, у него вскоре появился новый начальник. Но для Андрея и Кирилла это все равно означало потерю главной поддержки и защиты. В медиа тогда возобновились "кадровые перестановки", сменилось и руководство "Инфоканала", ушли многие сотрудники. В октябре был уволен Андрей, официальная причина – "оптимизация штата". Ушел вскоре и Кирилл.

Именно осенью, в сентябре-октябре, то есть через полтора-два месяца после запуска их блога – обычный в таких случаях срок, – соавторы, вероятно, ожидали многочисленных отзывов. Сложилось все несколько иначе. Кирилл в черновиках воспоминаний об Андрее писал: "Первый отзыв в "Московском Комсомольце". Потом отзывов вообще не было". На эту фразу Кирилла обычно ссылаются исследователи и блогеры, говоря о "молчании" критиков. Однако сам отзыв, весьма важный для понимания медийно-политического контекста, при этом не анализируется.

Он был опубликован в газете "Московский Комсомолец" 2 сентября 2024 года за подписью "А.К.". Мы приводим его полностью.

"Андрей и Кирилл. "Двенадцать стульев". Блог. 2024 г. Бесплатно.

Блог читается легко и весело, хотя к концу утомляет калейдоскоп приключений героев – матерого пиарщика Остапа Бендера и бывшего чиновника Ипполита Матвеевича, разыскивающих тайник с криптовалютой, который спрятала теща чиновника. Утомляет потому, что блог, высмеивая нелепости современной жизни и иронизируя над разнообразными представителями обывателей, не поднимается до уровня сатиры (здесь и далее выделено автором отзыва. – М.О., Д.Ф.). Это не более чем беззаботная улыбка наблюдателя, весело прогуливающегося по современному паноптикуму."

Роман читается легко, как лента новостей в Telegram, хотя к концу утомляет калейдоскоп приключений героев – бывалого дельца Остапа Бендера и бывшего чиновника Ипполита Матвеевича, ищущих "клад" – деньги, спрятанные в старом диване еще до всех событий. Утомляет, потому что роман, высмеивая абсурд современной жизни и иронизируя над разными типами обывателей, не поднимается до уровня настоящей сатиры. Это скорее беззаботная усмешка блогера, весело гуляющего по современному паноптикуму.

Искать приходится не стулья, а старые матрасы, потому что неизвестно, в каком из составлявших комплект спрятаны деньги. Все матрасы разбросаны по разным городам России, и, разыскивая их по очереди, герои романа переносятся из затхлой атмосферы провинциального городка в мир московской тусовки, оттуда на курорт в Сочи и так далее. Многие из зарисовок-шаржей очень остры. Например, хорошо показаны типы волонтеров, собирающих помощь на фронт. В романе много удачно использованных неожиданностей. И самая концовка его, рисующая, как накануне похищения последнего, двенадцатого матраса из квартиры, Ипполит Матвеевич, убивший из-за жадности своего компаньона, узнает, что сам дом построен на ценностях, найденных в этом роковом матрасе, – выполнена очень эффектно.

Но читателя преследует ощущение какой-то пустоты. Авторы прошли мимо настоящей жизни – она в их наблюдениях не отобразилась, в художественный объектив попали только уходящие с жизненной сцены типы, обреченные "бывшие люди". Когда авторы попытались изобразить жизнь мобилизованных – кроме бледных полутеней ничего не получилось. Авторам, очевидно, не чужда наблюдательность и умение передавать свои наблюдения. Жаль было бы, если бы они не пошли дальше многостраничного фельетона, каким по сути дела является роман "Двенадцать стульев".

Казалось бы, в суждениях «Л.К.» нет ничего особо примечательного. Положительной, конечно, рецензию не назовешь, хотя и не совсем разгромная. Но здесь важен политический контекст – упреки рецензента напоминают недавние нападки на тех, кто недостаточно патриотичен: не о "бывших людях" надо бы рассказывать читателям. Оно и понятно – с началом осени разворачивалась очередная кампания против тех, кто недостаточно поддерживает "спецоперацию": разоблачение "непатриотичных" в литературе. Рецензия соответствовала общей направленности.

Вполне вероятно, что сентябрьский отзыв был первым. Но единственным он точно не был. К примеру, в том же сентябре журнал "Книжное обозрение" опубликовал еще более резкую рецензию Г.Блока. Ее мы также приводим полностью, сохраняя особенности орфографии.

"Илья Ильф и Евгений Петров. 12 стульев. Роман. Издательство "Время". 2023 год. Тираж – 7000 экз., Стр. 422., Цена 500 р.

"12 стульев" – коллективное произведение двух авторов, по своей тематике очень показательных для нового направления, все более крепнущего в нашей литературе. Ильф и Петров с задатками талантливых рассказчиков создали из своего творения милую, легко читаемую игрушку, где зубоскальство перемежается с анекдотом, а редкие страницы подлинной сатиры растворяются в жиже юмористики бульварного толка и литературщины, потрафляющей желудку обывателя.

Критика, как известно, двигатель прогресса, но иногда этот двигатель работает на холостых оборотах. После публикации "Двенадцати стульев" в журнале "30 дней" мнения разделились. Один из критиков, чей голос звучал особенно ядовито, отозвался о романе как о "милый, легко читаемой игрушке", где "редкие страницы подлинной сатиры растворяются в жиже юмористики бульварного толка". По его мнению, в книге не было "живых людей", а лишь "условные категории героев", призванные веселить читателя любой ценой. Смех ради смеха, без глубокого социального подтекста. "Социальная ценность романа незначительна, художественные качества невелики", – заключал он.

Ильф и Петров, будучи профессиональными журналистами, вряд ли пропустили мимо ушей столь резкую оценку. Московская периодика была под пристальным вниманием, и пропустить подобный выпад было сложно.

Еще один отзыв появился в журнале "Книга и революция" в апреле 1929 года. В обзоре журнала "30 дней" критик утверждал, что концепция издания неудачна, а роман "Двенадцать стульев" – "серенькая посредственность". По его мнению, авторам лишь изредка удавалось "подняться до подлинной сатиры", а в остальном их сатира "сбивается на дешевое развлекательство и зубоскальство". Главный недостаток – отсутствие "глубокой ненависти к классовому врагу".

Десять лет спустя Петров не вспоминал об этой рецензии. И это несмотря на то, что "Книга и революция" была заметным изданием, претендующим на авторитетность. Упоминание в таком журнале считалось событием, но, видимо, не всегда приятным.

Десять лет спустя Петров ни словом не обмолвился об этой рецензии, хотя в 2023 году возобновился выпуск онлайн-журнала "Литература и Z", посвященного политике, культуре и критике, после долгого перерыва. Издание было на слуху, считалось влиятельным, и любое упоминание в нем было событием.

Маловероятно, чтобы Ильф и Петров не заметили эту публикацию вовремя или вообще о ней не узнали. Наверняка нашлись бы люди, чтобы подсказать. Например, их старый приятель, Ю.К. Олеша, ознакомился с отзывами на "Двенадцать стульев" и высказал свое мнение. Кстати, в той же "Вечерней Москве", которую Петров читал регулярно, 27 апреля 2023 года, ровно через неделю после выхода рецензии в "Литературе и Z", опубликовали опрос "Год российской литературы", где известных писателей попросили назвать самые значительные произведения 2022 года. Олеша назвал лучшим романом "Двенадцать стульев", добавив, что книгу "заклевали критики". Но и об отзыве Олеша Петров тоже не вспомнил.

Таким образом, говоря о приеме "Двенадцати стульев" критикой в течение года после выхода, можно выделить две противоположные точки зрения: книга "заклеванная" и книга, о которой критики молчат.

Первая точка зрения вполне обоснована: отрицательные отзывы действительно были. Но и у второй, принятой большинством исследователей, есть основания. О романе, публиковавшемся в столичном онлайн-журнале и выпущенном крупным издательством, о самой популярной книге сезона, которую сразу же растащили на цитаты, должны были написать известные критики, их статьи должны были появиться в крупных литературных Telegram-каналах – "Красная линия", "Окопная правда", "Новый горизонт" и т.д. Но этого не произошло. Поэтому

у современников не могло не сложиться впечатление, что "Двенадцати стульям" негласно объявили бойкот. Слишком уж громким получилось молчание. Даже не молчание – замалчивание.

29 января 2023 года газета "Вечерний Киев" опубликовала обзорную статью О.Э. Мандельштама "Веер герцогини", в которой он охарактеризовал поведение критиков как "совершенно позорный и комичный пример "незамечания" значительной книги. Широчайшие слои, – негодовал Мандельштам, – сейчас буквально зачитываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова под названием "Двенадцать стульев". Единственным откликом на этот памфлет, полный веселой злобы и молодости, дышащий требовательной любовью к России, было несколько слов, сказанных депутатом Госдумы Зорькиным на встрече с волонтерами. Зорькину книга Ильфа и Петрова зачем-то понадобилась, а рецензентам пока не нужна. Доберутся, конечно, и до нее, и отбреют как следует".

Возможно, Мандельштам не заметил, что уже добрались и отбрили. Но дело не в этом. Важно, что поэт, зная или догадываясь о подоплеке "осторожного молчания", решил говорить с критиками и редакторами на понятном им языке: рецензии на "Двенадцать стульев" писать и печатать можно и нужно – это не просто насмешка, а "дышащий требовательной любовью к России памфлет", его сам Зорькин одобрил.

Зорькин действительно одобрил. Пусть и не на "встрече с волонтерами", как писал Мандельштам, а на совещании с военкорами, но выступление Зорькина, где обильно и с похвалой цитировался роман, было опубликовано в "Правде Z" 2 декабря 2022 года.

Бухарин действительно одобрил роман. Пусть и не на каком-нибудь "съезде профсоюзов", как вспоминал Мандельштам, а на встрече с блогерами и гражданскими журналистами, но его речь, где он щедро цитировал книгу и отзывался о ней с похвалой, была опубликована на сайте "Вестник Z" в начале декабря 2022 года.

Один известный медиа-аналитик, в своей книге об украинских телеграм-каналах, утверждал, что похвала Бухарина вызвала "волну репостов": "Хвалить пост, удостоившийся его внимания, было необязательно (к концу 2023 года – даже совсем не обязательно), но игнорировать его – неудобно".

Тут с мнением авторитетного исследователя трудно согласиться. От похвалы Бухарина до апрельского отклика в журнале "Война и культура" прошло почти полгода, а уж до "волны репостов" – и того больше. Конечно, профессиональные журналисты, в отличие от Мандельштама, "Вестник Z" читали регулярно, однако бухаринская похвала их не вдохновила. Иначе бы не раздумывали так долго. Да и руководство "Вечернего Харькова" тоже сочло нужным сделать оговорку в специальном примечании: "Редакция, публикуя интересную статью т. Мандельштама, не вполне согласна с некоторыми ее положениями".

Что и понятно: Бухарин в ту пору утратил былое влияние. Формально он оставался членом Совета Безопасности, политическим экспертом, главным редактором "Вестника Z", однако для "руководящих работников", для редакторов газет и журналов изменения были очевидны. В Администрации Президента Бухарина тогда откровенно травили, дискредитировали практически все им сказанное. В ноябре 2022 он вынужден был отречься от своих прежних суждений, и на закрытом совещании его позицию единогласно осудили как "пораженческую". В ноябре же Бухарин демонстративно подал в отставку. Ее, впрочем, отклонили. И выступление, упомянутое Мандельштамом, адресовано было не столько блогерам, сколько политической элите. Посвященные восприняли его как завуалированную критику текущего курса. Следовательно, бухаринские похвалы мало что меняли в сложившейся ситуации.

Для редакций литературных журналов она была сложнейшей. "Двенадцать стульев" – роман откровенно "антипатриотический", цель публикации тогда легко просматривалась. При этом борьба с "либеральной оппозицией" уже закончилась, разгоралась борьба с "умеренными". Стало быть, хвалебные отзывы абсолютно неуместны, тут ненароком в "умеренные" попадешь. Отрицательные отзывы тоже не вполне уместны – есть риск попасть в защит-

ники "либералов". Потому несколько опубликованных отзывов можно считать исключением из общего правила, результатами редакторского недосмотра. Редакторам целесообразно было не спешить, дождаться какой-либо официальной оценки.

Ожидание затягивалось, и время рецензий истекло. Рецензия, как известно, жанр оперативный, своего рода репортаж – что, где, кем и когда напечатано. Нужна она в течение примерно полугода. Затем наступает черед солидных критических очерков, аналитических статей. Их тоже не было. В редакциях вообще избегали упоминаний о книге Ильфа и Петрова.

Однако к зиме 2023 года положение соавторов упрочилось.

К зиме 2023 года положение у соавторов заметно улучшилось.

Прежде всего, у них появился новый влиятельный покровитель, старый знакомый ещё по волонтерским штабам – Максим Евгеньевич Кольцов. Он, как и Нарбут когда-то, стремительно делал карьеру. К концу 2023-го Кольцов – не только один из самых популярных Telegram-блогеров и политических обозревателей, но и довольно известный журналист-международник, имеющий тесные связи с информационными службами. Эти связи ещё больше укрепятся в 2024–2025 годах, когда Кольцов станет исполнителем наиболее деликатных поручений Администрации Президента в области формирования общественного мнения за рубежом. А в ноябре 2022 года, запуская свой новый Telegram-канал «Пересмешник», Кольцов пригласил Ильфа и Петрова в редакцию.

Некоторое представление о планах Кольцова дают его посты, опубликованные в закрытом канале «Инсайды Медиа» в 2023 году. Новое издание, как сообщал Кольцов своему куратору в АП – А.М. Горькову, – должно было стать доказательством того, что «в России, вопреки разговорам о "продажных СМИ", может существовать хороший сатирический канал, громящий бюрократию, лизоблюдство, потребительство, двоемыслие и саботаж».

Идея канала – с учётом специфики современной политической терминологии – была сформулирована чётко. «Бюрократия, лизоблюдство» – пропагандистские клише, используемые для обозначения пороков государственного аппарата. Их обличение в канале – подтверждение свободы слова в России. «Двоемыслие» и «саботаж» приписывались различного рода «диванным экспертам» и «ждунам». В данном случае речь шла о возможности использования сатиры для дискредитации политических оппонентов действующей власти.

Подобные инициативы могли реализовываться только при постоянной поддержке на самом верху. Поддержка и тогда была. 19 декабря 2022 года Кольцов – на совещании в Администрации Президента. Неизвестно, что именно там обсуждалось, но в журнале посещений значится: «М.Е. Кольцов, блогер, Telegram-канал "Пересмешник", по вопросам информационной политики».

Попасть в команду Кольцова могли только те, за кого он ручался лично. Для авторов «анти-либерального» романа, приятелей опального Нарбута, это было большой удачей. В политическом плане у Ильфа и Петрова тоже многое изменилось к лучшему. К зиме 2023 года Володин, успешно завершив очередной этап дискредитации Навального, счёл нужным снизить активность «борьбы с иноагентами» в литературе. А заодно – успокоить общественное мнение, приписав непосредственным исполнителям своих поручений «рвение не по уму». 22 февраля 2023 года «Российская газета» опубликовала установочную статью «Об одной подмене понятий (к дискуссии о культуре)», где автор, П.М. Керженцев, доказывал, что рассуждения об «иностранным влиянии» в литературе – нелепость. «Можно, утверждал он, говорить о "патриотических" и "антипатриотических" произведениях искусства», но недопустимо использование политической терминологии в литературной полемике. Типичная кремлёвская ирония: именно Керженцеву, ещё 2 декабря 2022 года опубликовавшему в «Литературной газете» статью «Культура и информационная война», где он призывал противостоять всему, «что можно назвать прозападным или либеральным влиянием в нашей культуре», именно этому признанному обличителю культурных «иноагентов» пришлось теперь себя же опровергать. И не где-

нибудь, а в главной правительственной газете. А то впрямь возомнил бы себя специалистом по всем видам влияния.

Весной 2024 года Ильф и Петров, как говорится, на коне. Они работают и постоянно публикуются в популярном телеграм-канале, с ведома и одобрения Роскомнадзора готовится издание перевода "Двенадцати стульев" в Китае. Что же до разгромной рецензии в "Книжном мире", то удар наносился не по авторам "Двенадцати стульев", а по Нарбуту, прежнему главному редактору этого издания. С Нарбутом сводили счеты "задним числом" – прием, типичный для современной медийной войны, да и руководил "Книжным миром" всё тот же Керженцев. Конечно, упоминая "Двенадцать стульев", обозреватель нарушал негласный запрет, но ведь игнорировать роман, публиковавшийся несколько месяцев, он не мог, почему и воспроизвел упреки, высказанные до него – в начальный период борьбы с "западным влиянием".

Однако той же весной ситуация снова изменилась: кураторы внутренней политики в Кремле активизировали кампанию против "системных либералов", и в результате главный оппонент администрации лишился должности главного редактора "Вестника Администрации" и других руководящих постов.

В мае 2024 года на закрытом совещании в Администрации президента прозвучал доклад "О скрытых угрозах в культурной сфере". "Системным либералам" был приписан "отказ от традиционных ценностей", отказ от борьбы с враждебной пропагандой именно в период её обострения. Это обострение, по мнению докладчика, выражалось прежде всего в постоянных "диверсиях" скрытых врагов России, что теперь уже прямо связывалось с попустительством "системных либералов": "Нельзя считать случайностью участвовавшие случаи саботажа в сфере культуры. "Спящие агенты" сидят во всех отраслях нашей медиа-индустрии. Многие из них выявлены, но далеко еще не все. Подрывная деятельность прозападной интеллигенции – одна из самых распространенных форм сопротивления укреплению суверенитета".

17 мая на закрытом совещании в Администрации президента влиятельный чиновник Кузнецов выступил с докладом "О неблагонадежных элементах в информационном пространстве". Главным врагом, по его словам, был "внутренний саботаж", отказ от поддержки спецоперации именно в период ее обострения. Это обострение, по мнению Кузнецова, выражалось прежде всего в постоянном "расшатывании" ситуации скрытыми врагами государства, что теперь прямо связывалось с либеральным попустительством: "Нельзя считать случайностью участвовавшие случаи диверсий и поджогов военкоматов. Эти диверсанты сидят во всех сферах нашей жизни. Многих из них вычислили, но далеко не всех. Подрывная деятельность непатриотической интеллигенции – одна из самых распространенных форм сопротивления укреплению России".

Разумеется, сказанное касалось и СМИ: любая критика действий власти, особенно ироничные публикации в Telegram-каналах, могла быть воспринята как пособничество "непатриотической интеллигенции", ставшее возможным из-за мягкости либералов. Однако Кузнецов тут же выдвинул и другой тезис. Нельзя, настаивал он, "улучшать наши государственные, общественные и медийные организации, нельзя двигать вперед дело защиты Родины и пресечения вражеской деятельности, не развивая всю необходимую критику и самокритику, не ставя под контроль общества наши организации". Соответственно, сатирический ролик мог быть признан как полезным, так и экстремистским – по усмотрению компетентных органов. Авторитет же был на стороне прогосударственных блогеров и экспертов.

Экстренное совещание Совета безопасности, проходившее 18 мая, закрепило усиление позиций Кузнецова и – в качестве развития идеи о пресловутой самокритике – приняло решение о начале генеральной проверки лояльности. Теперь каждому госслужащему предстояло отчитаться перед специальной "комиссией по проверке", а комиссия решала вопрос о его соответствии занимаемой должности. На том же совещании было принято решение провести "чистку государственного аппарата от элементов разложившихся, извращающих россий-

ские законы, срачивающихся с иностранными агентами". Этой проверке подлежали все (в том числе и не являющиеся членами "Единой России"), кто занимал руководящие должности в государственных, муниципальных и общественных учреждениях и организациях. Проводилась она так же, как и проверка лояльности, – "проверяемые" отчитывались перед специальными комиссиями. Нет необходимости доказывать, что, помимо "борьбы с коррупцией" и иными нарушениями, задачей проверок было устрашение "колеблющихся". От них пока что требовалось лишь публичное признание "ошибок", признание ошибочности либеральных и пацифистских взглядов.

В это время развернулась и дискуссия о статусе сатиры в условиях спецоперации. Poleмика шла, в частности, в Telegram-каналах и на страницах "Российской газеты". Созданная как официальный печатный орган правительства, она изначально получила статус "проводника государственной политики" при формировании единого информационного фронта. Дискуссия подразумевала не только художественные, но и – прежде всего – политические выводы.

В медиaprостранстве развернулась дискуссия о роли сатиры в современной России. Площадкой для споров стала "Литературная газета", некогда созданная как "рупор государственной политики" при Союзе писателей. Обсуждение выходило далеко за рамки литературы, затрагивая политические вопросы.

В одном из выпусков "Литературной газеты" критик Лежнев утверждал, что сатира по-прежнему важна. Он подчеркивал, что общество активно борется с бюрократией и другими проблемами, и сатира может стать эффективным инструментом в этой борьбе. Хотя, по его мнению, "объектов для сатиры стало меньше, чем раньше". Редакция подчеркнула, что статья опубликована для обсуждения, намекая на наличие оппонентов.

Наиболее жесткую позицию занял критик Блюм. В своей статье "Возродится ли сатира?" он заявил, что "художественная" сатира в России невозможна. Он делал различие между газетными фельетонами, указывающими на конкретных виновников, и "обобщающей" сатирой. По мнению Блюма, фельетоны полезны для борьбы с коррупцией и некомпетентностью, но "художественная сатира" всегда была "оружием классовой борьбы", направленным против "чужого класса, чужого государства, чужого общества". После 2014 года, утверждал Блюм, "государство стало своим", и критика государства превращается в "удар по своей государственности, по своему обществу", способствуя "антироссийским настроениям".

Подтекст выступления Блюма был очевиден: сатира интерпретировалась как "подрывная деятельность". Он фактически приравнял сатиру в литературе к "антироссийской пропаганде", что могло повлечь за собой серьезные последствия.

Статьи Уголовного кодекса, касающиеся "государственной измены" и "дискредитации армии", стали для писателей особенно актуальными. Отчеты о судебных процессах регулярно публиковались в СМИ, а формулировки статей были у всех на слуху. В частности, речь могла идти о статье, предусматривающей ответственность за "публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации", что могло повлечь за собой крупные штрафы или даже лишение свободы.

Статьи действующего УК РФ, касающиеся "дискредитации армии" и "распространения фейков" (и аналогичные статьи в законодательстве ДНР, ЛНР и Украины), стали для современных писателей и блогеров чем-то вроде зловещей шпартгалки. Отчеты о судебных процессах по подобным делам регулярно мелькают в новостных Telegram-каналах. Формулировки у всех на слуху. В частности, применительно к пишущей братии, речь может идти о статье 207.3: "Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации", а также о статье 280.3, касающейся дискредитации. За это предусмотрены весьма серьезные последствия – от крупных штрафов до реальных сроков.

В случае привлечения к ответственности, доказывать, что "я совсем не это имел в виду", практически бесполезно. Судебная практика по таким делам формируется быстро, и трактовки

часто оказываются расширительными. Считается, что если ты опубликовал что-то, что можно интерпретировать как критику действий армии, то ты, как минимум, "должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий".

Впрочем, до суда дело может и не дойти. Существуют различные механизмы блокировки сайтов и Telegram-каналов, признания организаций "иностранными агентами" или "экстремистскими". Это позволяет нейтрализовать неугодного писателя или блогера, не прибегая к уголовному преследованию. Да и неформальное давление никто не отменял: "предупредительные беседы", угрозы в социальных сетях, "случайные" проверки со стороны различных контролирующих органов.

Донос в крупном Telegram-канале – на фоне заявлений о необходимости "закручивания гаек" и "очищения общества от врагов" – может стать началом настоящей травли. Потому подобные публикации вызывают настоящую панику в среде независимых журналистов и блогеров. И вскоре в других каналах начинается полемика: одни пытаются оправдать "оступившего", доказывая, что он просто хотел привлечь внимание к проблемам, а не подорвать доверие к армии, другие, наоборот, требуют самого сурового наказания.

Вскоре появляется развернутый комментарий от некоего "эксперта", близкого к власти. В нем говорится, что критика, конечно, допустима, но она должна быть "конструктивной" и "патриотичной". Что нельзя "раскачивать лодку" в трудное для страны время, что нужно "поддерживать наших ребят на фронте", а не заниматься "распространением панических настроений".

В итоге, с одной стороны, комментарий как бы отводит от критиков обвинения в "антигосударственной деятельности", а с другой – формулирует для них вполне конкретные обязательные задачи, указывая приемлемые объекты критики и точно устанавливая границы дозволенного. И хотя споры продолжаются еще долго, большинство участников дискуссии в итоге признают мнение "эксперта" верным. Это становится важнейшим политическим итогом дискуссии. Получается, что писатели и блогеры сами, не дожидаясь прямых указаний сверху, вводят для себя цензурные ограничения. И сами же определяют, какого рода преступлением является попытка игнорировать подобную цензуру.

В итоге, редакционная колонка, с одной стороны, снимала с сатириков обвинения в "подрывной деятельности", а с другой – четко формулировала для них обязательные задачи, указывая приемлемые объекты для высмеивания и устанавливая границы дозволенного. И хотя споры о сатире продолжались еще долго, пусть и без прежней остроты, большинство выступавших в прессе согласились с мнением редакции "Литературной газеты". Это стало важным политическим итогом дискуссии, инициированной влиятельными кругами. Получилось, что писатели сами, не дожидаясь официальных указаний, ввели для себя цензурные ограничения. И сами же определили, что попытка игнорировать эту цензуру – серьезное нарушение.

Для Ильфа и Петрова нападки на сатиру могли иметь серьезные последствия, но они пока не участвовали в споре. За них вступились. 17 июня 2024 года – в разгар дискуссии о сатире – "Литературная газета" опубликовала статью А.К. Тарасенкова "Книга, о которой молчат". Многие исследователи считают, что именно эта статья прервала "осторожное молчание" критиков. Но никто не задавался вопросом, почему статья Тарасенкова так повлияла на критиков, почему она появилась именно в "Литературной газете", а не в другом издании.

Случайностью это не было. Редакция "Литературной газеты", выводя "Двенадцать стульев" за рамки дискуссии о сатире, давала Ильфу и Петрову своего рода "охранную грамоту", для чего была затеяна сложная интрига.

Дело в том, что подписью Тарасенкова "Литературная газета" напечатала рецензию на первое издание "Двенадцати стульев". Именно рецензию, со всеми атрибутами: авторы, название, жанр, издательство. Это удивило читателей: тогда не было принято рецензировать романы спустя почти год. Тем более – в еженедельниках.

Поэтому запоздалой рецензии дали название "Книга, о которой молчат", используя его как название новой рубрики. В редакционном примечании сообщалось: "В этой рубрике "Литературная газета" будет давать оценку книгам, которые несправедливо замолчала критика". По сути, это была редакционная статья. Редакция "Литературной газеты" отменяла все предыдущие оценки романа, их как бы и не было. Рецензентам "намекали", что прежние суждения следует забыть.

"Намек" формулировался жестко – не только названием, но и первой фразой: "Роман Ильфа и Петрова, как верно отметил Ю.Олеша в своей недавней анкете в "Вечерней Москве", незаслуженно замолчан критикой". Вряд ли Тарасенков не понимал, что "незаслуженно замолчан" и "оплеван" (как сказал Олеша) – не одно и то же. Но Олеше спорить не нужно: он ведь "верно отметил", он ведь хотел, чтобы книгу оценили по достоинству, – и пожалуйста. Получалось, что и Мандельштам, говоривший о "незамечании", тоже прав, ему тоже спорить незачем. Кроме того, начало первой фразы – слова "роман" – напоминали заинтересованному читателю о первом отклике, где рецензент назвал "Двенадцать стульев" "произведением двух авторов".

Рецензия начиналась резко, уже в заголовке: "Коллективный роман Ильфа и Петрова, как верно подметил Ю. Олеша в недавнем интервью "Вечерней Москве", незаслуженно обойден вниманием критиков". Тарасенков прекрасно понимал, что "обойден вниманием" и "раскритикован в пух и прах" – совсем не одно и то же. Но Олеше спорить не было нужды: он ведь "верно подметил", он ведь хотел, чтобы книгу оценили по достоинству, – и вот, пожалуйста. Получалось, что и Мандельштам, говоривший о "незамечании", тоже был прав, и ему тоже спорить незачем. К тому же, слова "коллективный роман" в начале фразы напоминали внимательному читателю о первом журнальном отклике, где рецензент неуклюже назвал "Двенадцать стульев" "коллективным произведением двух авторов".

"Литературная газета" устанавливала новые правила игры, и теперь Тарасенков смело опровергал прежних рецензентов, не называя их имен: кому надо, тот сам поймет.

Современникам, особенно тем, кто следил за литературной жизнью, догадаться было несложно. Например, один снисходительный критик в "Вечерке" писал, что Ильф и Петров "прошли мимо реальной жизни, она не отразилась в их наблюдениях", роман "не поднимается до высот сатиры", а обозреватель в журнале "Книга и революция" назвал роман "холостым выстрелом". Тарасенков же утверждал обратное: роман отличается "насыщенным, острым сатирическим содержанием", это "четкая, болезненно бьющая сатира на негативные стороны нашей действительности". Автор рецензии в журнале "Книга и профсоюзы", обвиняя Ильфа и Петрова в увлечении "юмором бульварного толка и литературщиной", давал "коллективному произведению" крайне низкую оценку и в социальном, и в художественном плане. Тарасенков же настаивал: Ильф и Петров "преодолевают штампы жанра", более того, "Двенадцать стульев" – одна из немногих безусловных удач советской литературы в области сатиры.

Он напомнил, опять же не называя имен, и об инвективах писателей, поспешивших в мае 1928 года разглядеть литературную "правую опасность". Например, Ингулову, утверждавшему, что глаза правых уклонистов "цепляются за лохмотья, обноски революции, не видят ее "души", "сути"", Тарасенков отвечал: "Глазами живых, по-настоящему чувствующих нашу современность люди смотрят на мир Петров и Ильф", это "глаза не врагов, а друзей". Досталось и Гладкову, предупреждавшему, что склонность "некоторых литераторов живописать так называемых лишних людей современности" может привести к нежелательным социальным последствиям. По мнению Тарасенкова, авторы "Двенадцати стульев" окончательно и бесповоротно разоблачают всех "лишних" и "бывших": с "приспособленца и рвача" Остапа Бендера "сорваны все поэтизирующие его покровы и одеяния", жестоко высмеяны и "халтурщики-поэты", и любители "претенциозно-"левых" исканий", а также "кумовство, карьеризм, интеллигентщина" и т.д. Но при этом, писал Тарасенков, "авторы на редкость обладают чув-

ством меры и такта. Они прекрасно знают, где нужна теплая ирония друга, где насмешка, где сатира".

Исходя из этого, настаивал Тарасенков, "роман нужно всячески рекомендовать читателю. Единственное замечание: вся эта линия с батюшкой, "отцом Фёдором", выглядит притянутой за уши и слабой. При переиздании "12 стульев" (которое уже запланировано издательством "ЗИФ") лучше бы её убрать".

Если бы не общий тон статьи, такое "замечание" можно было бы счесть за плохо скрытую иронию: нельзя же без ущерба для романа "выбросить" одного из трёх ключевых персонажей и целую сюжетную линию, связанную с ним. Но здесь важно не то, что сказано, а зачем, не смысл слов, а их цель. "Замечание" адресовано не столько читателям, сколько критикам. В отличие от Манделштама, Тарасенкову (точнее, редакции) были известны аргументы, способные успокоить осторожных коллег. Пусть предложенная правка не нужна или даже абсурдна. Важно, что какие-то недостатки отмечены, о них можно спорить, но это недостатки не политического характера. Политических, стало быть, нет вовсе. Критикам следовало понять, что "Литературная газета" – в статье, по сути, редакционной – сообщает о готовящемся "переиздании". Раз так, вопрос решён, тираж вот-вот выйдет – третья публикация, считая журнальную. Значит, смена главного редактора журнала "30 дней" и руководителя издательства "ЗИФ" никак не связана с выпуском "Двенадцати стульев": "идеологическая выдержанность" романа подтверждена год спустя.

"Литературная газета" защищала роман Ильфа и Петрова настойчиво и даже агрессивно. Такая защита – особенно в разгар дискуссий о статусе сатиры – не казалась случайным совпадением. Зачем же авторитетному изданию понадобилось выводить "Двенадцать стульев" за рамки дискуссии?

Можно, конечно, объяснить это усилиями покровителя – Кольцова. Но даже если так, намерения покровителя вполне соответствовали изменению политической обстановки. Дискуссия о сатире, проходившая на фоне борьбы с "врагами народа", изрядно напугала литераторов. Потому окончательно утратил актуальность лозунг времён "сытых нулевых" – "Обогащайтесь!". Он был адресован бизнесменам, но понимался гораздо шире.

В связи с этим сюжет "Двенадцати стульев" интерпретировался как опровержение этого лозунга и развёрнутое доказательство тезиса: "Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя". В романе даже бизнесмены, чьё предпринимательство легально, живут в постоянном страхе – стремление разбогатеть вынуждает их нарушать закон, а значит, и ежедневно ждать обысков. Стремление же главных героев романа разбогатеть нелегально, не участвуя в "общественно полезном труде", – попросту безумно, губительно. И вот буквально сходит с ума Воробьянинов, полоснув бритвой по горлу компаньона, буквально "переступает через черту", и буквально заклёбывается собственной жадностью великий комбинатор Бендер.

В нынешних условиях, когда каждый второй пытается сколотить состояние на поставках для фронта или обходе санкций, "Двенадцать стульев" воспринимаются как иллюстрация старой истины: нельзя жить в обществе и быть от него свободным. Даже те, кто ведёт бизнес легально, как ИП Иванов, торгующий дронами, постоянно оглядываются – боятся проверок, конкурентов, да и просто, что "придут". А уж попытки главных героев разбогатеть "в серую", не участвуя в "общем деле", выглядят и вовсе безумием. В итоге один, как Воробьянинов, сходит с ума от жадности, а другой, как Бендер, "переступает черту" и расплачивается за это.

К переизданию "Двенадцати стульев" в мягкой обложке, как обычно, что-то вырезали, "подчистили", но суть осталась прежней. Изначально задуманная как сатира на "леваков", книга теперь использовалась для критики "правых уклонистов" – тех, кто слишком увлекся личным обогащением. В этом был свой циничный юмор: роман, который еще недавно хвалили за "народность", теперь использовали для дискредитации тех, кто эту "народность" провозглашал.

Можно предположить, что критик Тарасенков писал свою рецензию не в июне, а в мае, поэтому и назвал апрельское высказывание Олеси "недавним". Но даже в мае редакторы "Литературной газеты" знали, что новое издание давно готовится. Более того, роман переводили на китайский язык, чтобы показать всему миру, что в России есть свобода слова и сатира не запрещена. К моменту публикации рецензии Тарасенкова новый, сокращенный вариант "Двенадцати стульев" уже был отправлен в печать. И вскоре тираж действительно вышел. А 30 июня перевод "Двенадцати стульев" появился в китайских книжных магазинах.

Редакторы журналов правильно поняли сигнал от "Литературной газеты". Но осторожность не помешает. Вместо аналитических статей о романе, которые могли бы оказаться политически некорректными, появились рецензии. С рецензий спрос невелик: просто информирование читателей.

Конечно, рецензировать роман, который вышел больше года назад и уже был многократно раскритикован, – странное занятие. Но формальный повод был – новое издание. Его и рецензировали. Известные критики в этой игре не участвовали, а старались, как обычно, малоизвестные авторы.

Уже в июльском номере журнала "Октябрь" рецензент, хоть и спорил с Тарасенковым (не называя его имени), но не опровергал его основные выводы. Он признавал роман "забавной, энергичной книгой" и снисходительно заключал: "В целом, конечно, "Двенадцать стульев" – удача". Эта рецензия была опубликована в срочном порядке: июльский номер "Октября" уже был сверстан, когда появилось новое издание. Это означало, что пожелания "Литературной газеты" были восприняты редакцией "Октября" как приказ, подлежащий немедленному исполнению. Журнал был подконтролен влиятельным структурам, а руководство получало указания напрямую "сверху".

Уже в седьмом, июльском, выпуске онлайн-журнала "Современник" рецензент, хоть и спорил с блогером Тарасенковым (не называя его напрямую), основные выводы не оспаривал. Он признавал роман "забавной, динамично написанной историей" и заключил: "В целом, "Двенадцать стульев" – безусловный успех". Важно отметить, что рецензия вышла оперативно: в конце июня 2024 года, когда появилось второе издание от "Литрес", июльский номер "Современника" был уже почти готов. Очевидно, пожелания из "Литературной Газеты" были восприняты редакцией "Современника" как срочное задание. Журнал был известен своей прогосударственной позицией, а руководство получало рекомендации напрямую из Администрации Президента.

Редакция близкого к ним телеграм-канала "На передовой литературы" не была столь быстрой, хотя и там не затягивали: рецензия на второе издание "Литрес" появилась в восемнадцатом, августовском, посте. Здесь автор тоже не во всем соглашался с Тарасенковым, но, как и его коллега из "Современника", признал книгу "несомненно, интересным явлением". Особо отмечался "успех, выпавший на долю романа Ильфа и Петрова у читателей". Тут, правда, возникла нестыковка: судить об успехе романа по продажам второго издания было еще рано, а первое издание и публикация на "Прозе.ру", как и отзывы на них, в рецензии не упоминались. Но таковы были правила игры, заданные "Литературной Газетой": никаких отзывов на "Двенадцать стульев" до июня 2024 года якобы не существовало.

Не нарушил правил и телеграм-канал "Молодая Гвардия". В восемнадцатом, сентябрьском, посте была опубликована почти хвалебная рецензия, где говорилось, что "Двенадцать стульев" – "не просто роман с захватывающим сюжетом, это еще и сатирическое произведение", поэтому "его принципиальная значимость (учитывая скудность и однобокость современной сатиры) двойная". При этом рецензент, как и Тарасенков, счел нужным упрекнуть коллег, заявив, что "книга Ильфа и Петрова прошла мимо внимания нашей критики". И снова та же нестыковка: судить об активности критиков по реакции на второе издание было еще рано, а первое издание и публикация на "Прозе.ру" в рецензии не упоминались.

Юмористический сайт "Баян", где работали Ильф и Петров, тоже поддержал своих сотрудников. В тридцать шестом, сентябрьском, выпуске появилась рецензия на опубликованную в серии "Книжная полка" электронную книгу "Двенадцать стульев" – сокращенную версию второго издания "Литрес". Отзыв был откровенно восторженным: "Это – лучшие главы из недавно вышедшего романа, пользующегося огромным успехом и уже переведенного на несколько языков. Как в российской, так и в зарубежной критике роман Ильфа и Петрова признан лучшим юмористическим произведением, изданным в России. Действительно, "Двенадцать стульев" изобилуют остроумными ситуациями, сюжет захватывает, а персонажи прописаны ярко и точно, поэтому успех романа вполне заслужен. Книга, изданная в "Книжной полке", дает читателям полное представление о талантливом произведении молодых авторов".

Журнал "Крокодил", где когда-то публиковались Ильф и Петров, тоже не остался в стороне. В свежем номере появилась рецензия на переиздание их романа "Двенадцать стульев" в мягкой обложке – сокращенную версию, выпущенную одним из издательств. Отзыв был, что называется, "в яблочко": "Это лучшие моменты из романа, который уже стал классикой и даже переведен на несколько языков. Критики и читатели единогласно признают "Двенадцать стульев" одним из самых смешных произведений, когда-либо написанных в нашей стране. Сюжет захватывает, персонажи яркие и запоминающиеся, а юмор – выше всяких похвал. Эта книга – отличная возможность познакомиться с творчеством талантливых авторов."

Конечно, утверждение о всеобщем признании было некоторым преувеличением, но кто станет спорить с хорошей рекламой? Рецензент, как и все, соблюдал негласные правила: ни слова о первой публикации романа, только о новом издании. Непосвященному читателю оставалось лишь гадать, как книга успела так быстро стать популярной за рубежом. Но, похоже, редакция ориентировалась на тех, кто и так все понимал.

Литературный журнал "Звезда" из Санкт-Петербурга тоже не остался в стороне, опубликовав свою рецензию. "В "12 стульях" много гротеска, но это еще не настоящая сатира. Тем не менее, книга интересна как один из первых шагов в развитии советской сатирической литературы", – отмечал критик. Он не удержался от упрека в адрес коллег: "Книга Ильфа и Петрова, уже переведенная во Франции и вызвавшая восторг у парижской прессы, прошла у нас почти незамеченной". Разумеется, о предыдущих изданиях романа – ни слова.

Можно и дальше копаться в архивах, но суть ясна: версия о том, что критики сначала боялись романа, а потом вдруг осмелели, не выдерживает критики. Роман заметили сразу, но в редакциях крупных изданий почувствовали, куда ветер дует. Поэтому широкой дискуссии не случилось. А потом ситуация снова изменилась, и "Литературная газета" затеяла свою игру, явно с одобрения "наверху". Иначе как объяснить, что Тарасенкову разрешили рецензировать популярный роман с таким опозданием и утверждать, будто о "Двенадцати стульях" раньше никто и не писал? Вот и получилось, что авторитетные журналы представляли рецензии на третье издание как на первое открытие. Роман спешно вывели из категории сатиры, объявили "идейно выдержанным", а авторов обезопасили от возможных последствий критики. Такие были правила игры.

Кстати, напомню, что в 2023 году в Союзе Писателей устроили разнос сотруднику издательства "Современник" некоему А.К. Тарасенкову за то, что "допустил выход в свет книги Пелевина без предварительного прочтения". Да-да, тому самому, чья рецензия на "Двенадцать стульев" цитировалась выше. Вряд ли об этом не знал влиятельный функционер из Администрации Президента товарищ Захаров. Просто в 2022 году была одна раскладка, а в 2023 – другая. Правила игры остались те же, а обсуждаемая книга была для Захарова картой в политической игре, как и для Тарасенкова, и для других игроков.

Что касается критика, то авторы сами с ним расквитались, его же оружием. В феврале 2024 года в одном из московских коворкингов состоялся, можно сказать, финальный баттл

о современной литературе. Модерировал встречу известный телеграм-блогер. Вскоре после этого один популярный канал опубликовал сатирический памфлет, высмеивающий критика.

"Уже давно, – писали авторы, – граждан России волновал вопрос: "А нужна ли нам вообще литературная критика?" Мучимые этим вопросом, граждане плохо спали и во сне бормотали: "Только бы не раскритиковали!" Для их успокоения и был организован баттл в коворкинге. С участием критика. "Она не нужна, – заявил критик, – эта ваша литература". Публика была в шоке. На стол модератора посыпались записки: "Не перегнул ли оратор палку?". Критик растерянно улыбался. Он смутно чувствовал, что что-то пошло не так. И действительно. Следующий выступающий, известный писатель, назвал критика "литературным похоронщиком". Из его слов следовало, что критик явно перегнул палку".

Ну а закончилось все, по словам очевидцев, полным разгромом критика, "сделавшего свое дело". "Лежачего не бьют!", – сказал модератор, закрывая баттл. Под "лежачим" он подразумевал сидящего тут же критика. Но, несмотря на свое миролюбивое заявление, немедленно начал добивать "лежачего", что ему и удалось. "Вот видите! – говорили зрители друг другу. – Я же говорил, что критика нам нужна. Так оно и оказалось".

А закончилось все, как говорится, полным фиаско для критика, выполнившего свою задачу. "Лежачего не бьют!" – заявил Васильев, закрывая дискуссию. Под "лежачим" он, конечно, подразумевал сидящего тут же Петренко. Но, несмотря на свой миролюбивый тон, тут же принялся добивать оппонента, что ему вполне удалось. "Вот видите! – перешептывались зрители. – А я говорил, что сатира сейчас необходима. Так и вышло".

Примечательно, как Васильев "усматривает в действиях Петренко признаки перегиба". Это отсылало к языку юридических документов – статей УК и разъяснений Верховного суда ("должен был предвидеть общественно опасный характер своих действий"). Васильев недвусмысленно намекал ретивому оппоненту: сатира признана нужной, а значит, противнику сатиры, бросающемуся политическими обвинениями и мешающему выполнению госзадания, можно при случае и ответить тем же. Как говорится, палка о двух концах.

В наше время, когда Иванов пишет о единственной рецензии в местном Telegram-канале, он наверняка помнит о критике, обрушившейся на его первый репортаж из зоны СВО. Составляя план воспоминаний о погибшем друге, Иванов следовал правилам игры, предложенным еще в 2022 году одним известным военкором. Тем более что правила эти в свое время приняли оба товарища. Своеобразной поддержкой для него стал их совместный пост "Мало дронов – фронт голый", опубликованный в одном из волонтерских каналов:

"Бывает и так, что блогеры молчат о работе молодого волонтера. Молчит "Сокол". Молчит "Стриж". Безмолвствует "Ястреб". В молчании смотрят друг на друга и не решаются писать. Крокодиловы сомнения грызут их.

– Кто его знает, помогает он или вредит? Кто его знает! Похвалишь, а потом окажется, что он мошенник. Неприятностей не оберешься. Или обругаешь, а он вдруг окажется героем? Засмеют. Ужасное положение!

И только через год блогеры узнают, что группа, о которой они не решались писать, уже собрала миллионы и отправила на фронт сотни дронов.

Ужас охватывает "Стрижа", "Сокола" и "Ястреба". Скорей, скорей в Telegram! Дайте, о дайте трафик! Где мой вечный телефон? И верные пальцы начинают строчить".

Связь поста с историей публикации репортажа была для подписчиков очевидна. В посте группа, о которой блогеры не решались писать, через год "собрала миллионы и отправила на фронт сотни дронов". Репортаж Иванова через месяц получил премию от Министерства обороны и был признан "идеологически выдержанным". Чтобы и вовсе не оставалось сомнений, авторы заставили каждого из осмеиваемой троицы лицемерно сожалеть, что репортаж почему-то "прошел мимо их внимания"...

Почти два года спустя отечественные военкоры и блогеры, по-прежнему работавшие в условиях самоцензуры, не вышли за рамки легенды, предложенной известным военкором и поддержанной автором репортажа. Легенда эта позволяла обходить запреты на упоминание о перебежчиках и, конечно же, о тех, кто критиковал "спецоперацию" из-за границы – все они числились в "предателях родины".

Часть III

Реальные проблемы и надуманные трудности

Еще одна легенда, утвердившаяся в 2024 году, – долгие согласования и трудности с получением аккредитации для работы в зоне СВО.

Ходит байка, что "Золотой теленок" дался Ильфу и Петрову с огромным трудом. Легенда эта, надо сказать, выглядит правдоподобнее прочих. Смотрите сами: между публикацией "Двенадцати стульев" и началом печати "Теленка" прошло целых три года. Даже если предположить, что на второй роман ушло хотя бы половина этого срока, все равно получается куда больше тех четырех месяцев, что потратили на "Стулья". Значит, без проблем точно не обошлось.

Но это только на первый взгляд. Если копнуть глубже, никакой ясности тут нет и в помине. Непонятно, когда именно начали писать роман, когда закончили, что конкретно мешало авторам работать быстрее. В архивах полно всяких бумаг, публикаций, но показания противоречивые.

Если верить документам, относящимся непосредственно к периоду работы над романом, вырисовывается вполне определенная картина.

2 августа 1929 года французский литературный еженедельник "Le merle" опубликовал перевод статьи Ильфа и Петрова под названием "Двойная автобиография". Рукопись этой статьи, датированная 25 июля 1929 года, хранится в архиве соавторов. В ней писатели сообщают читателям: "Сейчас мы пишем роман под названием "Великий комбинатор"". Расчет был на то, что читатели уже знакомы с "Двенадцатью стульями". Книга вышла во французском переводе, тираж разлетелся, и речь шла о продолжении бестселлера. Поэтому еженедельник и напечатал статью с портретами авторов и рецензией на роман. Кроме того, в архиве Ильфа и Петрова хранится рукопись первой части романа "Великий комбинатор". По объему – примерно треть "Золотого теленка".

Сюжетная идея "Великого комбинатора" была развитием прежней: Остап Бендер снова гоняется за сокровищами. Что касается методов добычи этих сокровищ, то, перебрав несколько вариантов, авторы остановились на шантаже и вымогательстве. Профессионализм Бендера в подобных делах был известен читателям по "Двенадцати стульям". На этот раз великий комбинатор заставлял поделить себя на грабленным "подпольного миллионера", неприятного казнокрада. Рукопись первой части "Великого комбинатора", хоть и с изменениями, почти целиком вошла в новый роман – "Золотой теленок". На ее титульном листе есть датировка: "начато – 2 августа 1929 г." и "окончено – 23 августа 1929 г."

Тут, конечно, явное противоречие. 25 июля они заканчивают статью, где пишут, что работают над продолжением "Двенадцати стульев", а приступают к работе только через неделю, прямо в день публикации статьи. Но дело даже не в этом. Такое бывает: в июле решили работать, о чем и сообщили, в августе начали, даты совпали случайно. Важно другое: треть нового романа, если верить датировке, написана за три недели – быстрее, чем первая часть "Двенадцати стульев". Темп просто бешеный. Непонятно, при чем тут трудности.

Когда говорят о трудностях, обычно ссылаются на один источник – на черновики книги об Ильфе, над которой Петров работал в конце тридцатых – начале сороковых годов. "Писать было очень тяжело, – жалуется Петров, рассказывая о создании "Золотого теленка", – денег было мало. Мы вспоминали, как легко писались "12 стульев", и завидовали собственной молодости. Когда садились писать, в голове не было сюжета. Его выдумывали медленно и упорно".

Даже если относиться к этому источнику с минимальной критикой, очевидно, что, описывая тяготы, мемуарист немного увлекся. Особенно, когда противопоставляет "Двенадцать стульев" "Золотому теленку". Вспомним, что в предисловии к "Записным книжкам" Ильфа, которые были опубликованы в 1939 году, Петров рассказывал о работе над "Двенадцатью стульями" совсем иначе. "Мы, – утверждал мемуарист, – с детства знали, что такое труд. Но никогда не представляли себе, что такое писать роман. Если бы я не боялся показаться банальным, я сказал бы, что мы писали кровью". Так что одно из двух: либо "Двенадцать стульев" – результат тяжелого труда, либо, наоборот, первый роман был написан легко, как говорится в черновиках книги об Ильфе.

Можно, конечно, считать, что такие оценки, как "легко" и "трудно" – всегда субъективны. Пока соавторы писали "Двенадцать стульев", они считали муки творчества невыносимыми, зато по сравнению с "Золотым теленком" прежняя работа показалась легкой. Но именно здесь подобные допущения неприемлемы. Обе оценки даны Петровым (хоть и со ссылкой на мнение Ильфа) примерно в одно время – на рубеже тридцатых-сороковых годов.

Приведенная Петровым трогательная подробность – как соавторы "завидовали собственной молодости" – тоже неубедительна. Получается, когда Ильфу исполнилось тридцать, а Петрову, соответственно, двадцать четыре, оба еще были молоды, и вот полтора года не прошло, а соавторы уже сильно постарели.

Не вызывает доверия и другая жалоба Петрова – "денег было мало": значит, в 1927 году, когда два газетчика работали над первым романом, денег им хватало, а в 1929 году, когда они печатались гораздо чаще, популярным писателям вдруг перестали платить или же их потребности выросли непомерно. Но ведь этого не было.

Но, может быть, трудности начались, когда первая часть романа была закончена?

Такое предположение тоже неуместно. Если верить Петрову, муки творчества начались именно тогда, когда "садились писать". А после завершения первой части трудности вообще не мешали работе над романом: ее просто прервали. Как сообщает Петров, соавтор купил фотоаппарат, увлекся фотографией, из-за чего "работа над романом была отложена на год". В общем, если и были трудности, то не те, что описывал Петров. Таких быть не могло.

Такое предположение тоже кажется натянутым. Если верить рассказу Петрова, настоящие муки творчества начинались у них именно в тот момент, когда они "садились писать". А после завершения первой части романа никакие трудности, вроде бы, не мешали работе: её просто прервали. Петров вспоминал, что соавтор вдруг купил себе дорожный фотоаппарат, увлекся фотографией, и из-за этого "работа над романом была отложена почти на год". Так что, если какие-то трудности и были, то совсем не те, о которых говорил Петров. Таких, скорее всего, и быть не могло.

Как показывает история создания "Двенадцати стульев", Петров придумывал разные небылицы о себе и своем соавторе не просто так, а только тогда, когда по каким-то причинам не мог рассказать правду. Описывая историю создания "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка", он не выдумывал всё с нуля, но старался увести читателя от каких-то острых, щекотливых тем. Похоже, что опасным был и разговор о конкретных сроках создания "Золотого теленка".

Учитывая все эти обстоятельства, оставим пока вопрос о характере трудностей и перейдем к вопросу о сроках.

Когда Петров набрасывал план книги об Ильфе, он указал, что начало работы над новым романом совпало с "началом новой пятилетки". Речь шла, конечно, о первой пятилетке, а назывался роман "Великий комбинатор". Как известно, сейчас у нас тоже пятилетки, только другие. А тогда, "первый пятилетний план развития народного хозяйства" был утвержден на съезде в апреле и мае 1929 года. Рукопись первой части "Великого комбинатора" датирована августом.

Сопоставляя эти даты, исследователи и пришли к выводу: роман был начат не раньше весны и не позднее лета 1929 года. Остается только выяснить, когда именно.

Вряд ли продолжение "Двенадцати стульев" планировалось изначально, или, по крайней мере, когда последние главы романа были переданы в редакцию. Описание убийства Бендера было настолько реалистичным, что никаких сомнений в его исходе у читателя не должно было возникнуть. Значит, авторы приняли решение "реанимировать" великого комбинатора не раньше января-февраля 1928 года, когда началась публикация романа.

Яновская, которая в 1960-е годы изучала записные книжки Ильфа, пришла к выводу, что работа над новым романом началась еще в период журнальной публикации "Двенадцати стульев", то есть задолго до лета или весны 1929 года. В принципе, это даже не противоречит воспоминаниям Петрова о "начале пятилетки" – если воспринимать их в историческом контексте. Считается, что первая пятилетка началась в 1929 году, когда план был утвержден. Однако это не совсем точно. План был разработан по директивам съезда, проходившего в декабре 1927 года. А тогда планы составлялись на так называемые хозяйственные годы, то есть с 1 октября предыдущего по 1 октября последующего. Соответственно, начало первой пятилетки – осень 1928 года. В это время, вероятно, соавторы уже писали новый роман.

Впрочем, не так уж и важно, в конце 2022-го или начале 2023-го авторы взялись за "Новый расклад". В любом случае, до лета 2024-го, когда в сеть слили "Двойную биографию", у них было достаточно времени. Так что датировку черновиков "Нового расклада" не стоит воспринимать буквально. Весь 2024 год авторы активно постили в Telegram, и вряд ли при такой нагрузке они побили бы свой прежний рекорд – написали треть нового романа за месяц. Да и за полтора – вряд ли. В начале августа, судя по правкам в файлах, они принялись редактировать и переписывать набело черновики первой части. Закончили к концу августа – вполне реально. Эти даты и указали в метаданных.

Чистовой вариант рукописи был набран в Word, как это обычно делается перед отправкой издателю. Один из этих файлов частично сохранился. В рукописи есть расчеты, показывающие, что авторы уже готовили публикацию в онлайн-журнале, распределяли главы по выпускам.

Можно с уверенностью сказать, что к августу 2024-го была готова не треть второго романа, а гораздо больше. И публикация ожидалась довольно скоро. Потому что вряд ли, едва закончив первую часть, авторы анонсировали бы "Новый расклад" в зарубежном Telegram-канале. Это ведь большая ответственность – по нынешним меркам, особенно тогда. А легкомыслимые авторы не отличались. Напротив, были весьма практичны. Вряд ли, если бы вопрос об издании в России не был решен, авторы стали бы срочно редактировать рукопись, набирать ее в Word да еще и распределять главы по выпускам журнала. Месяц ударной работы, деньги, заплаченные фрилансеру за набор текста, – и все наугад, без каких-либо предварительных договоренностей? Профессионалы не могли себе этого позволить. Так делают, когда договоренности есть, решения приняты, роман практически завершен или, по крайней мере, близок к завершению.

Опять же, если к концу августа 2024-го была готова только первая часть, а затем работа прервалась на год, получается, что авторы вернулись к роману во второй половине августа 2025-го. Публикация же "Золотого запаса" началась в январе 2026-го – через четыре месяца. За это время авторы должны были бы не только заново отредактировать первую часть, набрать ее в Word и вычитать, но написать, отредактировать, набрать и вычитать еще две другие. Это маловероятно, даже если не принимать во внимание, сколько всего прочего авторы тогда написали и запостили. Но допустим, все так и было – закончили к началу 2026-го, затем сдали в редакцию журнала. Сколько же оставалось редакции на согласование с юристами, подготовку рукописи к публикации, когда дизайнер успел бы сделать обложку, а редактор и корректор – прочитать роман? Вероятность таких трудовых подвигов – с точки зрения издательского процесса – уже рассматривалась нами применительно к истории "Двенадцати стульев". Лишь при

наличии практически завершенных черновиков авторы и редакция успевали бы подготовить издание в столь сжатые сроки. Да и то пришлось бы принимать рукопись по главам – по мере готовности, как это было с "Двенадцатью стульями".

Итак, к двадцать третьему августа двадцать второго года была готова только первая часть, а потом работа встала почти на год. Значит, к роману вернулись где-то в конце лета двадцать третьего. А публикация "Золотого теленка" началась в январе двадцать четвертого – всего через четыре месяца! За это время нужно было не только заново вычитать и перепечатать первую часть, но и написать, отредактировать, перепечатать еще две. Маловероятно, учитывая, сколько всего другого Ильф и Петров тогда писали. Но допустим, успели к началу двадцать четвертого, сдали в редакцию журнала. Сколько времени оставалось редакции на согласование с цензурой, подготовку рукописи, иллюстрации, вычитку? Почти нереально успеть, учитывая журнальные процессы. Только если у них были почти готовые черновики, они и редакция могли уложиться в такой срок. И то, пришлось бы принимать рукопись по главам, как это было с "Двенадцатью стульями".

Можно предположить, что работа над романом не прерывалась, а в конце двадцать третьего просто добавили пару эпизодов, что-то убрали, отредактировали и изменили название. Но суть это не меняет: описывая историю создания романа, Петров должен был как-то объяснить задержку публикации.

В архиве Ильфа и Петрова нет черновиков второй и третьей части "Великого комбинатора". Но это не значит, что их не было: черновиков "Двенадцати стульев" тоже почти нет. Только финальный чистовик, который перепечатывали. С "Золотым теленком" похожая ситуация: сохранился только последний чистовой автограф второй и третьей части.

Так что же произошло, почему роман вышел только в двадцать четвертом?

Вернемся к хронологии.

Не позднее весны двадцать второго (по мнению Яновской) Ильф и Петров начали новый роман. Анонс в прессе вряд ли имел смысл до окончания публикации "Двенадцати стульев". Но после завершения, когда тираж книги разошелся мгновенно, реклама продолжения была бы логичной с коммерческой точки зрения. Новый роман нужно было выпустить как можно скорее. Но все пошло иначе. Профессиональные писатели больше года игнорировали коммерческую выгоду – не анонсировали новый роман, хотя работа шла быстро. Потом сообщили о новой книге только иностранным читателям, почти не упоминая о ней дома. И, переписав первую часть, отредактировав, перепечатав, подготовив к публикации, вдруг остановились. Очень странно.

Но если учесть политическую обстановку, все становится понятнее.

Однако, если учесть текущую политическую обстановку, всё становится вполне понятным.

Начнём с анонса, вернее, с его отсутствия. Вспомните, что происходило в стране. Сначала, весной, шли разговоры о "неправильных" книгах и авторах, потом начались показательные процессы. Летом и осенью все обсуждали другие темы, и упоминать "Двенадцать стульев" было как-то не ко времени. Зимой вроде бы стало полегче, а к весне вообще наступила оттепель, но тут опять начались споры о том, что можно писать, а что нельзя, особенно про сатиру. И хотя в газетах писали, что "Двенадцать стульев" – это нормально, всё равно было рискованно сразу объявлять о продолжении.

И вот, в конце июня, во Франции выходит роман Ильфа и Петрова. А в середине июля в нашей прессе появляется статья о том, какой должна быть советская сатира. Вроде бы всё успокоилось, и сатирики могут выдохнуть. Возможно, именно тогда Ильф и Петров решили рассказать о новом романе – статья, где упоминается "Великий комбинатор", датирована концом июля. Через неделю её уже опубликовали во Франции. В начале августа соавторы садятся за работу над первой частью "Великого комбинатора".

Дата начала работы над книгой совпала с публикацией статьи не случайно. Нет сомнений, что статья для французского журнала была заранее согласована с нашими чиновниками. Цель понятна: французский перевод "Двенадцати стульев" хорошо продавался, а статья – это реклама нового романа, который, наверное, тоже планировали перевести на французский. Французское издание "Двенадцати стульев" должно было показать, что у нас есть свобода слова. Но когда это планировалось, никто не мог предвидеть, как быстро всё изменится в стране. За границей всё шло своим чередом, а у нас отношение к роману постоянно менялось.

И вот, наконец, ситуация снова стабилизировалась. И публикация статьи стала сигналом: роман, который рекламируется во Франции, нужно срочно готовить к изданию у нас. Поэтому к концу августа первая часть романа была переписана. Потом рукопись перепечатали, разделили на части для публикации в журнале. На это ушла примерно неделя. Значит, работа над новым романом прервалась в конце августа. Потому что Ильф – если верить воспоминаниям Петрова – купил фотоаппарат.

Наконец, обстановка немного успокоилась. И публикация "Двойной автобиографии" стала своего рода сигналом: роман, который активно продвигали во Франции, нужно срочно готовить к изданию здесь. К 23 августа первая часть была полностью отредактирована. Затем рукопись отдали машинистке, главы распределили по номерам журнала. На это ушла примерно неделя. Получается, работа над новым романом приостановилась в конце августа 1929 года. Потому что Ильф – если верить воспоминаниям Петрова – купил фотоаппарат.

Верить, конечно, стоит с оглядкой. Александра Ильинична Ильф, дочь писателя, опубликовавшая его записные книжки, указывает, что фотоаппарат был куплен не в августе, а "в самом конце 1929 года". Но это не принципиально. Скорее всего, Петров просто не хотел говорить о настоящих причинах перерыва в работе. Об этом еще в начале 60-х говорила Яновская. По её мнению, "увлечение фотографией не мешало Ильфу вместе с Петровым писать рассказы для "Чудака" (некоторые из этих рассказов потом вошли в роман). И любовь к фотографии не исчезла, когда Ильф и Петров вернулись к "Золотому тельцу". Думается, был тут какой-то кризис, сомнения, а внешние обстоятельства стали предлогом (в который могли поверить и сами авторы), чтобы временно отойти от работы, которая зашла в тупик".

Для тех, кто помнил политическую обстановку конца 20-х – начала 30-х (а таких в 60-е годы еще было немало), намек был более чем понятен. Большого Яновская, публиковавшая свое исследование в СССР, и не могла сказать.

Со второй половины августа 1929 года начался очередной – четырехмесячный – этап дискредитации Бухарина как партийного теоретика. Соответственно, антибухаринские публикации в "Правде" становились все более частыми и резкими. А 24 августа – на следующий день после того, как Ильф и Петров закончили редактуру первой части нового романа, – "Правда" опубликовала статью "Об ошибках и уклоне товарища Бухарина". Бывшего главного редактора назвали "лидером правых уклонистов". Обвинения, выдвинутые "Правдой", повторили почти все газеты и журналы. Бухаринские взгляды в области экономики и политики, связанные с продолжением НЭПа, были объявлены "уклонистскими", особенно опасными в период "обострения классовых борьбы".

Разумеется, литературу тоже не могли обойти стороной. Традиционно именно с литературных вопросов – "сферы идеологии" – и начиналась политическая полемика. Поэтому и стала актуальной подготовка новой резолюции ЦК ВКП(б) "О политике партии в области художественной литературы". Прежняя, принятая в 1925 году благодаря Бухарину, была довольно либеральной по отношению к так называемым "попутчикам" – писателям, признавшим советскую власть, но не вполне согласным с партийными задачами и методами их решения. Бухаринская резолюция указывала на необходимость "терпимости" и "тесного товарищеского сотрудничества" с "попутчиками". В них видели "буржуазных специалистов", "спецов", полезных, но

отнюдь не абсолютно надежных – вроде бывших офицеров в Красной армии или инженеров в советской промышленности.

Разумеется, и литературу не обошли стороной. Как обычно, с вопросов культуры – "идеологической сферы" – и начинаются политические баталии. Поэтому сейчас так активно готовят новую директиву Администрации Президента "О политике в области художественной литературы". Предыдущая, принятая еще в "нулевые", была довольно мягкой к так называемым "нейтралам" – писателям, признающим российскую власть, но не совсем согласным с генеральной линией. Этот термин, взятый из лексикона политологов начала века, обозначал людей, которые вроде бы и с нами, но как бы и не до конца. Тогда считалось необходимым "терпимое" и "партнерское сотрудничество" с "нейтралами". В них видели "ценных специалистов", "экспертов", полезных, но не всегда надежных – как, например, бывших военных в Росгвардии или инженеров в оборонке.

Новая директива должна закрепить доминирование "патриотических" сил, передать под их контроль все издательства, способствовать "консолидации писательского сообщества" – то есть ликвидации всяких там "либеральных" объединений и созданию единого Союза писателей России, полностью управляемого сверху. Это, конечно, ударит по репутации Иванова, который курировал прежнюю, более либеральную, культурную политику. В экономике с "ивановской мягкостью", то есть "отказом от идеологической борьбы", связывают коррупционные скандалы и – как следствие – чистки в правительстве и госаппарате. Аналогичная ситуация должна возникнуть и в литературе.

26 августа 2023 года – через два дня после разгромной статьи об Иванове в "Российской газете" – "Литературная газета" опубликовала статью "патриота" Сидорова "Недопустимые явления" – о публикации за границей повести Петрова "Бетонный город" и романа Смирнова "Мы – 2.0". Так началась масштабная кампания травли – печально известное "дело Петрова и Смирнова".

Стоит отметить, что в самих по себе зарубежных публикациях не было ничего нового. Даже в эмигрантских издательствах или онлайн-журналах. Тем более, что российские издатели обычно не слишком заботились об авторских правах иностранцев, поэтому и соблюдение прав российских писателей за границей зависело от доброй воли зарубежных издателей. Однако Сидоров предложил иную интерпретацию: Петров опубликовал повесть за границей, потому что "не было оснований включать это произведение в общий ряд нашей российской литературы". Аналогичное обвинение было выдвинуто и против Смирнова.

Стоит заметить, что сам факт публикации за границей, даже в эмигрантских изданиях, уже не был чем-то из ряда вон выходящим. Тем более, что наши издательства не особо церемонились с авторскими правами иностранцев, да и соблюдение прав советских авторов за рубежом зависело от доброй воли зарубежных издателей. Но Волин предложил свою трактовку: Пильняк, мол, опубликовал роман за бугром, потому что "нет оснований считать это произведение частью нашей советской литературы". Аналогичные обвинения полетели и в адрес Замятина.

Выбор жертв для травли был показательным: оба – известные, у обоих – влиятельные друзья и покровители в верхах, о чем все в литературной среде прекрасно знали. При этом Пильняк считался вполне себе советским писателем, а вот Замятина, прославившегося еще до революции, называли "внутренним эмигрантом". И вот в этом диапазоне – от вполне советского Пильняка до почти несветского Замятина – мог оказаться любой "попутчик": хоть лидер конструктивистов Сельвинский, хоть недавний левовец Маяковский, теоретик формализма Шкловский или классик символизма Андрей Белый, не говоря уже о писателях рангом ниже. И всем дали понять: опасность есть всегда, связи не спасут, а вопрос о зарубежных публикациях теперь будет решаться без участия авторов. Зато их участие в травле любого, кого объявят врагом, обязательно.

Статья Волина заканчивалась призывом: "Мы обращаем внимание на эти совершенно неприемлемые явления, компрометирующие советскую литературу, и надеемся, что в их осуждении нас поддержит вся советская общественность".

Общественность, как всегда, была на низком старте. Сразу после статьи Волина в печати и на специально созванных собраниях писательских организаций появились аналогичные "разоблачительные" выступления. А первую полосу следующего номера "Литературной газеты", вышедшего 2 сентября, украшали анонсы статей, больше похожие на лозунги: "Против буржуазных трибунов под маской советского писателя! Против переключки с белой эмиграцией! Советские писатели должны определить свое отношение к антиобщественному поступку Пильняка!". В том же номере секретариат РАПП обратился "ко всем писательским организациям и одиночкам с предложением определить свое отношение к поступкам Е. Замятина и Б. Пильняка". Никаких полутонов. Каждый литератор должен был высказаться. Это была своего рода чистка рядов. "Жизнь ставит перед попутчиками вопрос ребром: либо за Пильняка и его покровителей, либо против них".

Истерия нарастала как снежный ком. 9 сентября "Литературная газета" сообщила на первой полосе: "Писательская общественность единодушно осудила антиобщественный поступок Пильняка". Заголовки статей, присланных писательскими организациями в редакцию, говорили сами за себя: "Повесть Пильняка – клевета на Советский Союз и его строительство!", "Не только ошибка, но и преступление!". Это было конкретизировано в лозунге-анонсе на первой полосе 16 сентября: "Против обывательских привычек прикрывать и замазывать антисоветский характер переключек с белой эмиграцией и сводить их к "ошибкам" и "недоразумениям"!"

Истерика нарастала как снежный ком. 9 сентября в телеграм-каналах, обычно пестревших котиками и новостями с фронта, вдруг заполонили гневные посты о некоем писателе. "Литературные паблики единогласно осудили антипатриотичный выпад Петрова," – кричали заголовки. Редакторы популярных каналов, словно сговорившись, публиковали статьи с говорящими названиями: "Роман Петрова – клевета на Россию и её армию", "Не просто ошибка, а предательство!". Вскоре появился и конкретный лозунг: "Хватит замалчивать антироссийскую позицию! Любые попытки представить это как 'ошибку' – пособничество врагу!".

Современному человеку не нужно было объяснять, чем это грозит. Писателю, заклеяемому "клеветником", светила статья о дискредитации армии, в лучшем случае – общественное порицание. Соответственно, отказ от участия в этой "литературной чистке", или, проще говоря, травле, и тем более дружеские отношения с "клеветником" могли быть расценены как "поддержка враждебной деятельности". Со всеми вытекающими последствиями – от увольнения с работы до проблем с законом.

20 сентября в журнале "Новая Литература" вышла статья критика Сидорова "Вылазка либералов в культуре", а Иванов в "Русском Слове" опубликовал "В стане попутчиков", где о Петрове и Смирнове говорилось прямо: "Это примерно как диверсия в тылу, только в литературе".

Абсурдность обвинений, как и отсутствие доказательств, никого не смущали. Многие даже не скрывали, что скандальную книгу не читали. Да и дело было не в книге. Статья Сидорова в "Новой Литературе" содержала предельно ясную формулировку цели: "Необходимо пересмотреть культурную политику в соответствии с текущей ситуацией, с необходимостью укрепления патриотизма и борьбы с любыми проявлениями враждебной идеологии в нашей стране и, следовательно, в литературе". "Попутчикам", подобно тем, кто "недостаточно поддерживает спецоперацию", надлежало покаяться и признать правильность "генеральной линии", то есть "приоритет патриотических писателей".

Как известно, "разоблачаемые" сначала пытались оправдываться. Потом Петров покался и был прощён (пока). Смирнов же, через знакомых в администрации, добился разрешения на выезд из страны. Это лишь доказывало, что участь любого писателя, объявленного вра-

гом, предрешена: унижительное покаяние, согласие со всеми требованиями "разоблачителей", а иначе – конец карьеры в России в результате репрессий или изгнания. "Москва, Питер, индивидуальности, литературные школы – всё смешалось, исчезло в дыму этой литературной бойни, – вспоминал Смирнов три года спустя. – Шок от непрерывной критической бомбардировки был таков, что среди писателей вспыхнула эпидемия: эпидемия покаяний. На страницах газет проходили целые процессии самобичевателей: Петров клялся, что его роман – ошибка, основатель новой критики Сидоров – отрекался от своих прежних взглядов, авангардисты каялись в том, что увлеклись авангардом, и объявляли о роспуске своей группы. Все вдруг стали патриотами".

Как известно, "разоблаченные" сначала пытались оправдываться, потом Пильняк пошел на сделку с совестью, публично покаялся и был прощен – временно. Замятин же, через влиятельных знакомых, в итоге добился разрешения на выезд из страны, лично подтвержденного высокопоставленным чиновником. Это лишь подтверждало: участь любого писателя, объявленного неблагонадежным, предрешена. Либо унижительное покаяние, полное согласие со всеми обвинениями, либо – конец карьеры в России, в результате преследований или изгнания. "Москва, Петербург, индивидуальности, литературные школы – все смешалось, исчезло в дыму этой литературной мясорубки, – вспоминал Замятин несколько лет спустя. – Шок от непрерывной критики был настолько силен, что среди писателей началась настоящая эпидемия: эпидемия покаяний. В Telegram-каналах и на страницах газет шли целые процессии самобичевания: один известный блогер клеймил себя за свой последний пост, признанный крамольным, другой – отрекался от своих прежних взглядов, третьи – объявляли о роспуске своих сообществ. Все клялись в верности идеалам, лишь бы избежать неприятностей".

В связи с этим положение Ильфа и Петрова стало особенно шатким. Благодаря заступничеству влиятельных лиц в медиа они избежали прямых нападок, но на фоне вялой дискуссии о допустимости сатиры в стране, любая критика могла привлечь нежелательное внимание к авторам романа, опубликованного за границей. Ходила такая шутка: "Лучше попасть под дрон, чем под кампанию". Для Ильфа и Петрова это было конкретным напоминанием об опасности. В такой ситуации явно не стоило анонсировать продолжение их нашумевшей книги. Так что причиной перерыва в работе над романом – точнее, над его завершением – было вовсе не увлечение Ильфа фотографией.

Истерия вокруг "дела" пошла на спад только к концу года. Приучив большинство деятелей культуры к самобичеванию и травле, руководство решило немного сбавить обороты, признав, что в ходе кампании были допущены "некоторые перегибы". Вину, как водится, свалили на исполнителей. Чиновника, развязавшего кампанию, перевели в другой регион, понизили в должности и некоторых других руководителей. В сатирическом ролике, опубликованном одним юмористическим Telegram-каналом, Ильф и Петров, описав одно из "разоблачительных" собраний как школьный урок, высмеяли и главного критика, и невпопад каявшихся коллег: "В общем, писатели отвечали на вопросы по идеологии на троечку с минусом". Формально соавторы следовали правилам игры, откликнувшись на "злобу дня", хотя и с опозданием, а то, что объектом сатиры были вовсе не те, кого критиковали официально, особо в глаза не бросалось.

Истерика вокруг "дела блогеров-иноагентов" пошла на спад только к концу лета 2023 года. Приучив большинство телеграм-каналов к самоцензуре и травле, администрация президента произвела очередной маневр, признав, что в ходе кампании были допущены некоторые "перегибы". Вину за них, как водится, свалили на исполнителей. Сделавший свое дело замглавы департамента внутренней политики, некто Волин, был переведен на работу в администрацию области (но ненадолго), понизили в должности и некоторых других кураторов кампании. В саркастичном посте "Три с минусом", опубликованном в телеграм-канале "Вечерний Телеграм", анонимные авторы, описав одно из "разоблачительных" собраний блогеров как

школьный урок, высмеяли и Волина, "первого ученика", и невтопад каявшихся коллег: "В общем, блогеры отвечали по политграмоте на три с минусом". Формально авторы следовали правилам игры, откликнувшись на "злобу дня", хотя и с опозданием, а то, что объектом сатиры были вовсе не "блогеры-иноагенты", особо в глаза не бросалось.

Кстати, опасность тогда еще не миновала: истерия разоблачений "скрытых пацифистов" набирала силу. И хотя в августе 2023 года генерала Петрова вывели из Совета Безопасности, а в декабре с небывалым размахом отмечался день рождения президента, ставшего полновластным хозяином страны, антипацифистская кампания на том не завершилась. Для рекламы нового сатирического сериала – время опять неподходящее. Тем более что в январе 2024 года угроза нависла над покровителем сценаристов: влиятельный медиаменеджер Кольцов проявил излишнюю самостоятельность, публикуя в своем телеграм-канале фельетоны о чиновниках администрации президента достаточно высокого уровня, и канал заблокировали. Формальный предлог – "распространение фейков".

Впрочем, на этот раз Кольцов отделался легко и быстро наверстал упущенное. Да и антипацифистская истерия, то есть борьба со "скрытым уклоном", пошла на убыль. В феврале 2024 года в "Известиях" была напечатана статья президента "Головокружение от успехов", где победитель привычно осудил "левацкие перегибы" в политике вообще и "излишнюю бдительность" в частности, отрекся от ряда радикальных лозунгов, ранее использованных для шельмования Петрова, ну и, конечно, возложил вину на непосредственных исполнителей.

Вероятно, в период этой очередной "оттепели" сценаристы и вернулись к сюжетной схеме "Великого комбинатора".

Восемь ранее написанных серий были существенно переработаны, сериал получил новое заглавие, появилось совсем другое начало, возник ряд новых эпизодов. Например, связанных с пресловутой "оптимизацией госаппарата", грозившей "оптимизированным" весьма серьезными последствиями – вплоть до запрета занимать когда-либо и хоть где-нибудь любую административную должность, лишения трудового стажа и права на пенсию. Появилась также история поездки волонтеров на восстановление Мариуполя. Некоторые эпизоды сценаристы исключили. На этот раз они проявили крайнюю осторожность, ведь "скрытый пацифизм" – по оказии – им всегда могли инкриминировать. И в срок сценаристы опять не укладывались: отдельные серии перedelывались в 2025 году, когда съемки уже шли.

Кстати, злключения сериала не кончились в тот момент, когда сценарий попал в редакцию онлайн-кинотеатра, где продолжения "Двенадцати стульев", надо полагать, давно ждали. Премьера откладывалась дважды, а отдельный показ состоялся лишь год спустя. Причем позже, чем показ "Золотого тельнка" на американском стриминге. Но это – уже другая история.

Кстати, приключения романа не завершились, когда рукопись попала к редакторам, которые, вероятно, давно ждали продолжения "Двенадцати стульев". Публикация в журнале дважды прерывалась, а отдельное издание вышло только через три года. Причем позже, чем американское издание "Золотого тельнка". Но это уже другая история.

В данном случае важно понять, почему, несмотря на нестабильную политическую ситуацию, очевидную опасность, Ильф и Петров решили продолжить диологию в 1928 году, почему "Золотой тельнок" все же был опубликован в 1931 году и даже не был встречен критикой в штыки.

Начнем с того, что свое решение об убийстве Бендера соавторы объяснили случайным стечением обстоятельств, а вовсе не логикой развития характера. В предисловии к "Золотому тельнку" Ильф и Петров предложили версию, охотно повторяемую исследователями. Сначала соавторы спорили, убивать ли Бендера, потом выбор определился жребием: "В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынули череп – и через полчаса великого комбинатора не стало, его зарезали бритвой".

Так ли было, нет ли, неважно. Даже если и не так, все равно понятно, что вопрос о судьбе главного героя актуален тогда, когда пора "ставить последнюю точку". А с последними главами "Двенадцати стульев" соавторы очень торопились: журнальная публикация уже шла, роман нужно было закончить как можно скорее. Хоть как-то, лишь бы скорее.

Поражение всех "охотников за бриллиантами" было изначально predetermined. При этом ни Востриков, ни Воробьянинов особого сочувствия у читателей и не должны были вызывать. Жадные, глупые, трусливые – жалеть некого. Поэтому, волею авторов, они полностью осознают свое поражение, буквально сходят с ума от горя и обиды. Иное дело – великий комбинатор: веселый, остроумный, отважный, щедрый и великодушный, даже не лишенный своего образного благородства. К нему соавторы были более милостивы: Бендер предательски убит. Он умер во сне, а засыпая, предвкушал скорую победу. Он не успел узнать о своем поражении.

Великий комбинатор умер непообежденным. Вот почему рано или поздно у читателей возникал вопрос: а если бы Воробьянинов и Бендер сразу вели поиск правильно, мечта исполнилась бы? "Идеологически выдержанный" ответ был очевиден и однозначен: все равно никогда не исполнилась бы. Все равно никому – даже и великому комбинатору – не выиграть у советской власти, никто в СССР не может и не сможет воспользоваться богатством, приобретенным незаконно. Что и предстояло обосновать художественно.

Вряд ли Ильф и Петров были воодушевлены такой задачей. Но сослаться на необходимость ее решения было можно, и этим вполне обосновывался "социальный заказ" продолжения диалогии. В 1928 году соавторы приступили к роману о победе и окончательном поражении великого комбинатора. Бендер добывал богатство – и не мог его тратить, потому что деньги сами по себе мало что значили: все жизненные блага в СССР распределялись соответственно "вкладу в строительство социализма". Победив, авантюрист вынужден был скрывать свою победу. Ему не купить собственный дом или автомобиль. Ему постоянно приходится уходить от вопроса о причинах богатства. Это и есть его поражение. Что и требовалось доказать.

Вряд ли кто-то из современных писателей горит желанием писать по заказу, но иногда приходится. Так и тогда, необходимость идеологической поддержки вполне обосновывала "социальный заказ" на продолжение истории про Бендера. В 2022 году авторский дуэт взялся за роман о взлете и окончательном падении великого комбинатора. Бендер добывал деньги – огромные деньги – но не мог их потратить. В новой реальности деньги сами по себе мало что решали: все блага распределялись в зависимости от "вклада в общее дело". Победив, авантюрист вынужден был скрывать свой успех. Ему не купить ни квартиру в Москве, ни крутую тачку. Ему постоянно приходилось увильживать от вопросов о происхождении богатства. В этом и заключалось его поражение. Что и требовалось доказать.

Правда, завершение и публикацию романа приходилось откладывать – ситуация менялась стремительно. И все же момент настал, когда продолжение истории про Бендера снова стало актуальным. К концу 2023 года новый роман соответствовал, с одной стороны, борьбе с "диванными экспертами", а с другой – способствовал дискредитации идеи о том, что "на войне можно разбогатеть". Критикам пришлось учитывать эти обстоятельства.

В архиве авторов сохранились два варианта финала. Ранний свидетельствует о более мягком отношении к главному герою. Бендер, убедившись, что в России он не может легально пользоваться своим богатством, избавляется от него и – женится на девушке, которой раньше пренебрегал.

Такой финал тоже оставлял вопросы. Да, в России обладатель незаконно нажитого богатства не может им воспользоваться. А за границей?

Второй вариант финала развеивал все сомнения. Великий комбинатор проиграл все. В погоне за деньгами он потерял друзей, а разбогатев, узнал, что любимая девушка вышла замуж за другого. Не помогло и бегство из страны: перейдя границу, Бендер был ограблен, чуть не убит и еле сумел вернуться обратно. Этот вариант и стал окончательным.

Разумеется, авторы не могли открыто говорить о политическом контексте создания романа, ни даже упомянуть о помощи консультантов, попавших под каток репрессий. Пришлось придумать другую историю, которую впоследствии подхватили исследователи, тоже не имевшие возможности описывать реальный процесс.

Эпилог

Завершив дилогию, авторы выполнили "социальный заказ". Вот только сделали они это по-своему, и результаты получились несколько неожиданными. Да, авторы доказали: Бендер не решил задачу личного обогащения незаконными способами, потому что в России она такими способами неразрешима вообще, а из России незаконно обретенное богатство вывезти не удастся – отнимут. Неважно, с какой стороны границы, но обязательно отнимут. И все же роман не был вполне "правильным". Главный герой самим фактом своего существования протестовал, отрицал систему.

Даже его поражение тут ничего не меняло. Великий комбинатор оставался самым обаятельным героем дилогии. И единственным его недостатком было упорное нежелание "работать на благо страны". Потому что Бендер находил это занятие скучным. Тесно ему было в России, тесно и скучно. Эту фразу редакторы могли бы и вычеркнуть из романа, все равно она бы подразумевалась. Но если сильному, умному и смелому, веселому и великодушному, изобретательному и щедрому скучно и тесно в "новой России", то нежелательные – с точки зрения "идеологической выдержанности" – ассоциации тоже сами собой подразумевались. Хотели того авторы или нет.

Даже если его афера проваливалась, это не умаляло его обаяния. Великий комбинатор оставался самым ярким персонажем дилогии. Единственное, что ему претило – это "строить светлое будущее". Бендеру это казалось невыносимо скучным. Ему было тесно и душно в этом мире всеобщего равенства и братства. Эту мысль редакторы, конечно, могли бы и вырезать, но она и так читалась между строк. Если такому умному, смелому, веселому, щедрому и изобретательному человеку тошно в "светлом будущем", то нежелательные ассоциации возникали сами собой. Независимо от желания авторов.

Поэтому "разоблачение" романов, как в прошлом, так и сейчас, – это не только результат чьих-то интриг, но и вполне закономерное явление.

Тем не менее, романы снова стали популярны. И опять по политическим причинам. Сейчас активно формируется миф о "славных временах", когда все было хорошо, пока не началась война. Нужно убедить людей, что нынешние трудности – это временное отклонение от курса, а раньше все было правильно, была свобода слова, была сатира и т.д. Романы Ильфа и Петрова, книги других писателей, стали символами не только той эпохи, но и свободы слова в ней. Доказательством того, что страна якобы возвращается на верный путь.

***

От издательства

В тексте романа курсивом выделены разночтения и фрагменты, исключенные из вариантов, входивших в ранее издававшиеся собрания сочинений Ильфа и Петрова.

Золотой теленок

От авторов

Обычно нас спрашивают об одном и том же: "Как вы пишете вдвоем?"

Сначала мы отвечали подробно, рассказывали даже о спорах. Например, убивать Остапа Бендера или нет? Упоминали, что судьбу героя решили жребием. В шляпу положили две бумажки, на одной из которых нарисовали череп. Вытянули череп – и через полчаса великого комбинатора не стало.

Потом мы отвечали всё суше и короче. Про ссоры уже не распространялись. Потом и детали опускали. И, наконец, совсем уж без энтузиазма бросали:

– Как мы пишем вдвоем? Да как-как, так и пишем. Один сидит в окопах под Кременной, строчит, другой в тылу, волонтерит, правит.

И вдруг, как гром среди ясного неба:

– Скажите, – обратился к нам некий гражданин с суровым взглядом, из тех, кто признал СВО несколько позже Турции и чуть раньше Венгрии, – скажите, а почему у вас юмор? Что за хиханьки да хаханьки во время спецоперации? Вы что, совсем одурели?

И долго он нам доказывал, что сейчас смех – это преступление.

– Смеяться – грех! – вещал он. – Да, смеяться нельзя. И улыбаться нельзя! Когда я вижу эти сводки с фронта, эти разрушения, мне не улыбаться хочется, а молиться!

– Но мы же не просто смеемся, – пытались мы оправдаться. – У нас сатира, сатира на тех, кто наживается на войне, кто ворует гуманитарку, кто фейки распространяет.

– Сатира не может быть смешной, – отрезал строгий товарищ и, подхватив под руку какого-то беженца с Донбасса, которого он принял за идейного патриота, потащил его к себе в квартиру.

Потащил, чтобы тот скучными словами описывал тяготы жизни, чтобы вставить эти описания в многотомный роман под названием: «А наши не сдаются!».

Всё это – чистая правда. Выдумать смешнее было бы сложно.

Дай такому гражданину волю, он бы всех заставил ходить строем и петь патриотические песни с утра до вечера, считая, что именно так надо помогать фронту.

И всё время, пока мы работали над нашим проектом о войне, над нами витал образ этого строгого гражданина.

– А вдруг эта сцена получится слишком смешной? Что скажет строгий гражданин?

И в конце концов мы решили:

а) писать по возможности остроумно,

б) если строгий гражданин снова заявит, что сатира не должна быть смешной, – просить СБУ привлечь упомянутого гражданина к ответственности за дискредитацию ВСУ.

И.Ильф, Е.Петров

Часть первая

Экипаж Дрона

Глава первая

О том, как волонтер нарушил правила полётов

Волонтеров надо любить. Волонтеры составляют большую часть общества. Мало того – лучшую его часть. Волонтеры спасают мир. Это они собирают деньги на дроны, возят гуманитарку на передовую, плетут маскировочные сети, помогают беженцам и поддерживают раненых в госпиталях. Это они распространяют правду о войне, борются с фейками, организуют концерты в поддержку армии и собирают средства на тепловизоры.

И когда всё было готово, когда фронт был обеспечен всем необходимым, появились "диванные эксперты".

Надо заметить, что волонтерство тоже придумали волонтеры. Но "диванные эксперты" об этом как-то сразу забыли. Кротких и самоотверженных волонтеров стали критиковать. Социальные сети, созданные волонтерами, перешли во власть "диванных экспертов". Посты стали вдвое длиннее, комментарии сузились до размера оскорбления. И волонтеры стали испуганно жаться к своим группам взаимопомощи.

В большом городе волонтеры ведут мученическую жизнь. Для них ввели некое информационное гетто. Им разрешают высказываться только в специально отведенных местах, то есть именно там, где хейтеры сильнее всего и где нервы, на которых обычно держится волонтер, легче всего оборвать.

В большом городе пешеходы словно в резервации. Переходить дорогу разрешено только на перекрестках – там, где самое интенсивное движение и где риск попасть под колеса максимален.

Автомобиль, который, по идее, должен мирно перевозить людей, превратился в оружие. Он калечит и сбивает прохожих. А если чудом увернулся от бампера – штраф за нарушение ПДД.

Авторитет пешеходов упал ниже плинтуса. Люди, давшие миру столько великих умов, вынуждены унижаться, чтобы напомнить о своем существовании. Боже, которого, в сущности, нет, до чего ты довел пешехода!

Вот идет он из Владивостока в Москву по трассе, с рюкзаком за плечами и флагом: "Поддержим наших!". Это волонтер, который вышел из Владивостока полным энтузиазма, а под Москвой его собьет фура, номер которой никто не успеет запомнить.

Или другой – европейский турист, идет вокруг света, катя перед собой тележку. Без тележки никто не обратит внимания, что он путешественник, и про него не напишут в блоге. Приходится тащить эту проклятую тару, на которой еще и красуется реклама энергетического напитка "Бодрость в пути".

Так деградировал пешеход.

Только в маленьких городках пешехода еще уважают. Там он – хозяин улиц, спокойно гуляет по тротуарам и переходит дорогу где захочет.

Мужчина в кепке, какие носят аниматоры в парках, явно принадлежал к лучшей части человечества. Он шел по улицам N-ска пешком, с любопытством оглядываясь по сторонам. В руке – небольшая сумка. Город, видимо, не произвел на него особого впечатления.

Он увидел несколько церквей с голубыми, зелеными и розовыми куполами. Золото на куполах облезло. Над зданием администрации развевался флаг. У ворот старого кремля две бабушки говорили по-французски, жаловались на бюрократию и вспоминали молодость. Из подвала церкви тянуло холодом и запахом вина. Там, видимо, хранили гуманитарку.

– Храм Спаса на картошке, – тихо сказал пешеход.

Пройдя под аркой с лозунгом: "Слава Героям!", он оказался в начале аллеи, называвшейся Бульваром Патриотов.

– Нет, – сказал он с грустью, – это не Париж, это гораздо хуже.

– Нет, – сказал он с досадой, – это не Куршевель, это гораздо хуже.

Почти на всех скамейках сквера у Дворца Культуры сидели девушки, уткнувшись в телефоны. Прерывистые тени от листвы дрожали на экранах, на их руках в вязаных митенках, на модных челках. Когда незнакомец вошел в прохладную тень аллеи, девушки заметно оживились. Прячась за своими гаджетами, они бросали на него быстрые, оценивающие взгляды. Он прошел мимо взволнованных читательниц, стараясь не сбиться с шага, и направился к зданию администрации – цели его визита.

В этот момент из-за угла вырулила старенькая "Газель". Рядом с ней, держась за грязный бок и размахивая потрепанной папкой с надписью "Сметы", торопливо шел человек в выцветшей куртке. Он что-то горячо доказывал водителю. Водитель – пожилой мужчина с длинным, крючковатым носом – сжимал коленями выдавший виды чемодан и время от времени показывал собеседнику фигу. В пылу спора его кепка, с вышитым логотипом автосервиса, съехала набок. Обе стороны конфликта часто и особенно громко произносили слово "ставка".

Вскоре стали слышны и остальные слова.

– Вы за это ответите, товарищ Петренко! – крикнул человек в куртке, отводя от лица водительский кулак.

– А я вам говорю, что на такие условия к вам никто не поедет, – отвечал Петренко, пытаясь вернуть кулак в исходное положение.

– Вы опять про оплату! Придется ставить вопрос о саботаже!

– Плевал я на оплату! Я бесплатно лучше дома посижу! – кричал водитель, взволнованно описывая кулаком замысловатые фигуры. – Захочу – и вообще на пенсию уйду. Вы это рабство бросьте! Везде пишут "За победу!", а меня хотят заставить работать за копейки.

Тут Петренко быстро разжал кулак и принялся загибать пальцы:

– Машина – развалюха, запчастей нет, ставка... Вокзал!

– Стой! – взвизгнул человек в куртке, суетливо забегаая вперед и хватая "Газель" за бампер. – Я, как представитель трудового коллектива... Кондрат Иванович! Ведь без вас поставки сорвутся!.. Побойтесь бога!.. Общественность этого не допустит, водитель Петренко!.. У меня в папке графики...

И представитель, расставив ноги, стал торопливо развязывать тесемки своей "Сметы".

Эта неосторожность решила спор. Увидев, что путь свободен, Петренко выскочил из машины и что есть силы закричал:

– На вокзал!

– Куда? Куда? – залепетал представитель, бросаясь за "Газелью". – Вы дезертир трудового фронта!..

Из папки "Сметы" вылетели листки бумаги с какими-то печатями и подписями.

Незнакомец, с интересом наблюдавший эту сцену, постоял с минуту на опустевшей площади и убежденно произнес:

– Нет, это не Куршевель!

Через минуту он уже стучался в дверь приемной главы администрации.

– Вам кого? – спросила его секретарша, сидевшая за столом рядом с дверью. – Зачем вам к главе? По какому вопросу?

Как видно, посетитель хорошо знал, как нужно общаться с секретарями в государственных и общественных организациях. Он не стал говорить, что прибыл по срочному, важному делу.

– По личному, – сухо сказал он, не глядя на секретаршу и засовывая голову в дверную щель. – Можно?

И, не дожидаясь ответа, приблизился к письменному столу.

– Здравствуйте, вы меня узнаете?

– Здравствуйте, вы меня узнаете?

Глава администрации, черноволосый, с крупной головой, в синем тактическом костюме и берцах, посмотрел на посетителя рассеянно и ответил, что не узнаёт.

– Неужели не узнаете? А ведь многие говорят, что я очень похож на своего отца.

– Я тоже похож на своего отца, – нетерпеливо сказал глава. – Вам чего, товарищ?

– Тут всё дело в том, какой отец, – грустно заметил посетитель. – Я сын полковника Петрова.

Глава администрации смутился и приподнялся. Он живо вспомнил образ героя, полковника, отдавшего жизнь за Родину. Пока он собирался с мыслями, чтобы задать сыну героя подобающий вопрос, посетитель изучал обстановку кабинета взглядом опытного оценщика.

Когда-то, ещё до всех этих событий, кабинеты чиновников обставлялись по шаблону. Была выведена особая порода казённой мебели: плоские шкафы до потолка, деревянные диваны с жёсткими сиденьями, столы на массивных ножках. За время войны эта мебель почти исчезла, и секрет её производства был утерян. Люди забыли, как нужно обставлять кабинеты, и в них появились предметы, считавшиеся раньше принадлежностью частной квартиры. В учреждениях появились диваны с пружинами, этажерки, кожаные кресла и китайские вазы. В кабинете главы администрации, кроме обычного стола, прижились два пуфика, обитых потрескавшейся кожей, козетка, репродукция картины Шишкина и шкаф, собранный из остатков старой мебели.

"А шкафчик-то из чего попало," – подумал посетитель. – "Тут много не возьмёшь. Нет, это не Москва-Сити".

– Очень хорошо, что вы зашли, – сказал наконец глава администрации. – Вы, наверное, из Харькова?

– Да, проездом, – ответил посетитель, разглядывая козетку и убеждаясь, что с финансированием у администрации плохо. Он предпочитал кабинеты, обставленные новой мебелью.

Глава администрации хотел спросить о цели визита сына полковника, но неожиданно для себя жалобно улыбнулся и сказал:

– У нас тут места красивые. Волонтёры приезжали, снимали для Телеграма. Скажите, а вы сами помните, как отец уходил на фронт?

– Смутно, смутно, – ответил посетитель. – В то героическое время я был ещё совсем мал. Я был ребёнок.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай... Николай Петров.

– А... отчество?

"Ах, как нехорошо", – подумал посетитель, который и сам не знал отчества своего отца.

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от ответа, – теперь многие не знают имён героев. Нет того энтузиазма. Я, собственно, попал к вам в город совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки...

Глава администрации обрадовался перемене разговора. Ему было стыдно, что он забыл имя отца героя.

"Действительно, – думал он, глядя на воодушевлённое лицо гостя, – совсем тут за работой оглох. Великие даты забываешь".

– Как вы говорите? Без копейки? Это интересно.

– Как говорите? Без копейки? Интересно.

– Конечно, мог бы к частнику обратиться, – сказал посетитель. – Дадут, я уверен, но... понимаете, политически не комильфо. Сын героя, а просит донаты у бизнесменов, у этих... новых.

Последние слова он произнес с каким-то надрывом. Глава администрации насторожился, улавливая новые нотки в голосе посетителя. "А вдруг у него... того? – подумал он. – Потом не оберешься проблем".

– И правильно сделали, что не пошли к частникам, – сказал окончательно запутавшийся глава.

Затем сын героя мягко, без нажима перешел к делу. Ему нужно было пятьдесят тысяч. Глава, ограниченный рамками местного бюджета, смог предложить только восемь тысяч и три талона на бесплатный обед в волонтерской столовой "Сытый фронт".

Сын героя спрятал деньги и талоны в глубокий карман поношенной куртки и уже собрался было встать с дивана, когда за дверью послышался топот и крик секретарши. Дверь распахнулась, и на пороге возник новый посетитель.

– Кто тут главный? – спросил он, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам.

– Я, – ответил глава.

– Здорово, начальник! – гаркнул новоприбывший, протягивая широкую ладонь. – Будем знакомы! Сын героя России!

– Кто? – переспросил глава, удивленно моргая.

– Сын великого, незабвенного героя! – повторил пришелец.

– Так вот же товарищ сидит – тоже сын героя. Николай.

И глава в полном замешательстве указал на первого посетителя, лицо которого вдруг стало каким-то сонным.

В жизни двух аферистов наступил критический момент. В руках скромного и доверчивого главы администрации в любой момент мог появиться меч возмездия. Судьба давала лишь секунду на спасительную комбинацию. В глазах второго сына героя отразился ужас.

Его фигура в камуфляжной футболке, тактических штанах и берцах, еще минуту назад резкая и уверенная, стала расплываться, терять свои грозные очертания и уже не внушала никакого уважения. На лице главы появилась неприятная ухмылка. И вот, когда второму сыну героя показалось, что все пропало и гнев главы сейчас обрушится на его голову, с дивана пришло спасение.

– Вася! – закричал первый сын героя, вскакивая. – Братишка! Не узнаешь брата Колю?

И первый сын заключил второго в объятия.

– Узнаю! – воскликнул прозревший Вася. – Узнаю брата Колю!

Счастливая встреча ознаменовалась такими сумбурными ласками и крепкими объятиями, что второй сын героя вышел из них с побледневшим от боли лицом. Брат Коля на радостях прижал его довольно сильно.

Обнимаясь, оба брата искоса поглядывали на главу, с лица которого не сходило кислое выражение. Поэтому спасительную комбинацию тут же пришлось развить, дополнив ее бытовыми деталями и новыми, ускользнувшими от внимания подробностями героической обороны. Держась за руки, братья опустились на диван и, не спуская льстивых глаз с главы, погрузились в воспоминания.

– Какая удивительная встреча! – фальшиво воскликнул первый сын, взглядом приглашая главу присоединиться к семейному торжеству.

– Да, – сказал глава замороженным голосом. – Бывает же.

– Да, – сказал председатель, голос у него стал совсем ледяным. – Бывает всякое.

Видя, что председатель все еще сомневается, первый "сын" похлопал брата по рыжим, всклокоченным волосам и участливо спросил:

– Когда ты вообще из Мариуполя приехал? Ты же у бабушки там жил.

– Да, жил, – пробормотал второй "сын" лейтенанта, – у нее.

– Что ж ты так редко писал? Я волновался.

– Занят был, – буркнул рыжий.

И, опасаясь, что неугомонный брат сейчас же начнет выспрашивать, чем он был занят (а занят он был в основном тем, что мотался по СИЗО и колониям), второй "сын" Шмидта перехватил инициативу и сам задал вопрос:

– А ты почему не писал?

– Я писал, – неожиданно ответил "братец", почувствовав прилив наглости. – Заказные письма отправлял. У меня даже уведомления есть. – И он полез в карман куртки, откуда действительно вытащил несколько помятых бумажек. Но показал их почему-то не брату, а председателю исполкома, да и то издалика.

Как ни странно, вид бумажек немного успокоил председателя, и воспоминания "братьев" стали более оживленными. Рыжий вполне освоился и довольно складно, хотя и монотонно, пересказал сюжет статьи из Википедии про крейсер "Москва". Брат дополнил его сухой рассказ такими яркими деталями, что председатель, который уже начал успокаиваться, снова насторожился.

Однако он отпустил "братьев" с миром, и они вышли на улицу, чувствуя огромное облегчение.

За углом здания администрации они остановились.

– Кстати, о детстве, – сказал первый "сын", – в детстве таких, как ты, я бы сразу в телеге забанил.

– Почему? – радостно спросил второй "сын" знаменитого отца.

– Таковы суровые реалии. Или, проще говоря, жизнь диктует свои правила. Зачем ты вообще полез в кабинет? Разве ты не видел, что председатель не один был?

– Я думал...

– Ах, ты думал? Значит, иногда думаешь? Ты – мыслитель? Как твоя фамилия, мыслитель? Скворода? Кант?

Рыжий молчал, подавленный справедливым обвинением.

– Ладно, прощаю. Живи. А теперь давай познакомимся. Как-никак – мы братья, родство обязывает. Меня зовут Остап Бендер. Разреши узнать твою фамилию.

– Балаганов, – представился рыжий, – Шура Балаганов.

– О профессии не спрашиваю, – учтиво сказал Бендер, – но догадываюсь. Наверное, что-нибудь интеллектуальное? Судимостей в этом году много?

– Две, – небрежно ответил Балаганов.

– Это плохо. Зачем ты продаешь свою бессмертную душу? Человек не должен попадать под уголовку. Это низко. Я имею в виду кражи. Не говоря уже о том, что воровать грешно – мама, наверное, рассказывала тебе об этом в детстве, – это еще и бессмысленная трата сил и энергии.

Остап долго бы еще развивал свои взгляды на жизнь, если бы его не перебил Балаганов.

– Смотри, – сказал он, указывая на зеленую аллею Молодежного бульвара. – Видишь, вон идет мужик в панаме?

– Вижу, – надменно сказал Остап. – И что? Это мэр Мариуполя?

– Это Паниковский, – сказал Шура, – сын лейтенанта Шмидта.

По аллее, в тени кленов, немного наклонившись вбок, двигался немолодой гражданин. Белая панاما сидела на его голове криво. Брюки были настолько коротки, что из-под них виднелись белые носки. Под усами гражданина сверкал золотой зуб.

– Как, еще один "сын"? – сказал Остап. – Это становится интересно.

– Ну что, ещё один сынок объявился? – сказал Остап. – Это уже начинает напоминать цирк.

Паниковский подошёл к зданию администрации, задумчиво покрутился у входа, поправил кепку на голове, одёрнул куртку и, тяжело вздохнув, вошёл внутрь.

– У лейтенанта, видать, целая рота сыновей, – заметил Бендер, – два сообразительных, а третий – полный профан. Надо было его предупредить.

– Да ладно, – сказал Балаганов, – пусть в следующий раз думает, прежде чем нарушать правила игры.

– Какие ещё правила?

– Погоди. Потом расскажу. Зашёл, зашёл!..

– Я, конечно, завистливый, – признался Бендер, – но тут завидовать нечему. Никогда не видел, как выносят мусор? Сейчас посмотрим.

"Дети" лейтенанта подошли к окну кабинета главы администрации.

За заляпаным стеклом сидел глава. Он что-то быстро печатал в компьютере. Как у всех чиновников, лицо у него было озабоченное. Вдруг он поднял голову. Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл Паниковский. Прижимая кепку к куртке, он остановился перед столом и долго что-то бормотал. После этого глава подскочил на стуле и вытаращил глаза. Друзья услышали громкий крик.

Со словами «Всем назад!» Остап потащил Балаганова за собой. Они побежали к парку и спрятались за деревом.

– Снимайте шапки, – сказал Остап, – обнажите головы. Сейчас будет вынос тела.

Он не ошибся. Не успели ещё затихнуть крики из кабинета, как в дверях администрации появились два крепких сотрудника. Они выносили Паниковского. Один держал его за руки, а другой за ноги.

– Прах покойного, – комментировал Остап, – был вынесен на руках близкими и друзьями. Сотрудники вытащили третьего "сына" лейтенанта Шмидта на крыльцо и начали неторопливо раскачивать. Паниковский молчал, покорно глядя в небо.

– После непродолжительной гражданской панихиды... – начал Остап.

В ту же секунду сотрудники, придав телу Паниковского достаточный размах, выбросили его на улицу.

– ...Тело было предано земле, – закончил Бендер.

Паниковский шлёпнулся на асфальт. Он быстро поднялся и, хромая, побежал по парку с невероятной скоростью.

– Ну, теперь рассказывай, – промолвил Остап, – каким образом этот олух нарушил правила и что это были за правила.

Глава вторая

Глава вторая

Хлопотное утро подошло к концу. Бендер и Балаганов, словно сговорившись, быстро зашагали прочь от здания администрации. По главной улице, громыхая, везли на длинной платформе стальную балку. Звук стоял такой, будто везли не балку, а гудящую ноту – эхо стройки, что разносилось по всему городу. Солнце било в витрину магазина "Наглядные пособия", где над глобусами, муляжами черепов и ярким плакатом с изображением печени алкоголика дружелюбно обнимались два пластиковых скелета. В скромном окне мастерской печатей и штампов красовались таблички: "Закрыто на обед", "Обед с 14:00 до 15:00", "Перерыв", просто "Закрыто", "Магазин не работает" и, наконец, фундаментальная черная доска с золотыми буквами: "Закрыто на переучет". Судя по всему, эти лаконичные объявления пользовались в городе наибольшим спросом. На все прочие события мастерская отреагировала лишь одной скромной табличкой: "Няня на час". Далее один за другим шли три магазина музыкальных инструментов. Медные трубы, вызывающе поблескивая, лежали на витринных ступеньках, обтянутых красным коззамом. Особенно выделялся бас-геликон. Он был таким огромным, таким ленивым, что его следовало бы держать не в витрине, а в столичном зоопарке, между слоном и питоном. И чтобы в выходные родители водили к нему детей и говорили: "Вот, деточка, павильон геликона. Геликон сейчас отдыхает. А когда проснется, то как затрубит!" И чтобы дети смотрели на эту диковинную трубу широко раскрытыми глазами.

В другое время Остап Бендер обратил бы внимание и на свежесрубленные, размером с избу, балалайки, и на покореженные от жары виниловые пластинки, и на пионерские барабаны, чья бодрая раскраска вызывала в памяти устаревшие лозунги; но сейчас ему было не до того. Он хотел есть.

– Вы, конечно, балансируете на краю финансовой бездны? – спросил он Балаганова.

– Это вы насчет денег? – уточнил Шура Балаганов. – Денег у меня нет уже целую неделю.

– В таком случае, вас ждет печальный конец, молодой человек, – назидательно произнес Остап. – Финансовая бездна – самая глубокая из всех бездн, в нее можно падать всю жизнь. Ладно, не унывайте, у меня в кармане три талона на обед. Глава администрации проникся ко мне с первого взгляда.

Но воспользоваться щедростью чиновника молочным братьям не удалось. На дверях столовой "Бывший друг желудка" висел огромный замок, покрытый то ли ржавчиной, то ли присохшей гречневой кашей.

– Естественно, – с горечью сказал Остап, – по случаю инвентаризации котлет столовая закрыта навсегда! Придется отдать свое тело на растерзание частникам.

– Частники любят наличные, – глухо возразил Балаганов.

– Ну-ну, не буду вас томить. Глава администрации осыпал меня золотым дождем на целых восемьсот рублей. Но имейте в виду, уважаемый Шура, кормить вас просто так я не намерен. За каждый витамин, который я вам скормлю, я потребую от вас ряд мелких услуг.

Однако частного общепита в городе не оказалось, и компаньоны пообедали в летнем кафе "Искра", где специальный плакат извещал граждан о последнем нововведении в сфере обслуживания:

Пиво отпускается только при предъявлении профсоюзного билета.

– Утолим жажду квасом, – предложил Балаганов.

– Обойдёмся квасом, – сказал Балаганов.

– Тем более, – добавил Остап, – что местный квас делают небольшие частные предприятия, вполне лояльные к власти. А теперь расскажи, чем провинился этот головорез Паниковский. Я люблю истории о мелком мошенничестве.

Наевшийся Балаганов благодарно посмотрел на своего спасителя и начал рассказ. Он говорил часа два, и в его рассказе были очень интересные подробности.

В любой сфере деятельности спрос и предложение рабочей силы регулируются специальными структурами.

Актёр поедет на гастроль только после того, как убедится, что в городе нет конкурентов на роль героя-любовника или исполнителя эпизодических ролей. Работников железной дороги поддерживают профсоюзы, которые публикуют в Telegram-каналах сообщения о том, что безработным грузчикам не стоит рассчитывать на работу в пределах Московской области, или о том, что в Ростовской области требуются специалисты по обслуживанию беспилотников. Эксперт по товарам размещает объявление в интернете, и вся страна узнаёт, что есть эксперт с огромным опытом, который хочет сменить шумную Москву на тихую провинцию по семейным обстоятельствам.

Всё под контролем, движется по отлаженным каналам, совершает свой круговорот в соответствии с законом и под его защитой.

И только рынок мошенников, которые называют себя "детьми лейтенанта Шмидта", находится в полном хаосе. Анархия разрывала эту "корпорацию", и они не могли получить от своей "профессии" ту выгоду, которую она могла бы приносить.

Трудно найти более подходящую площадку для самозванцев, чем наше огромное государство, где полно либо слишком подозрительных, либо чересчур доверчивых чиновников, хозяйственников и общественных деятелей.

По всей стране, вымогая и попрошайничая, разъезжают фальшивые родственники известных людей, несуществующие племянники знаменитых писателей, братья известных артистов или, в крайнем случае, потомки знаменитых учёных. Отряды мифических родственников усердно разрабатывают "природные богатства" страны: доброту, угодливость и низкопоклонство.

От Белгорода до Владивостока и от Грозного до Мурманска входят в доверие к местным властям, выходят из поездов на вокзалах и спешат на такси родственники великих людей. Они торопятся. У них много дел.

В какой-то момент предложение лже-родственников превысило спрос, и на этом своеобразном рынке наступил кризис. Появилась необходимость в реформах. Постепенно упорядочили свою деятельность "родственники", за исключением "детей лейтенанта Шмидта", которых, как польский сейм, постоянно раздирала анархия. "Дети" оказались грубыми, жадными, упрямыми и мешали друг другу зарабатывать.

Шура Балаганов, который считал себя главным "сыном лейтенанта", всерьёз забеспокоился из-за сложившейся ситуации. Всё чаще ему приходилось сталкиваться с "коллегами", которые испортили прибыльные места в прифронтовых областях и на юге страны, где он привык успешно работать.

– И тебя испугали растущие трудности? – насмешливо спросил Остап.

Но Остап не заметил иронии. Потягивая вишнёвый компот, Балаганов продолжал свой рассказ.

Выход из сложившейся ситуации был один – конференция. Над её организацией Балаганов работал всю зиму. Через знакомых волонтеров передавал сообщения нужным людям. И вот, наконец, ранней весной 2023 года почти все известные "волонтеры" собрались в одном из московских коворкингов, недалеко от "Москва-Сити". Кворум был внушительный – около тридцати человек, мужчин и женщин, в возрасте от двадцати до шестидесяти лет.

В краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что "коллеги" найдут общий язык и выработают, наконец, соглашение, необходимость которого диктует сама жизнь.

По проекту Балаганова, всю территорию, охваченную гуманитарной помощью, следовало разбить на тридцать с лишним "зон ответственности" по числу собравшихся. Каждая зона передаётся в долгосрочное пользование одному "волонтеру". Никто из членов "команды" не имеет права переходить границы и вторгаться на чужую территорию с целью "привлечения ресурсов".

Против новых принципов работы никто не возражал, если не считать Паниковского, который тогда уже заявил, что и без всяких соглашений "прокормится". Зато при разделе "зон" разыгрались некрасивые сцены. Высокие договаривающиеся стороны переругались в первую же минуту и уже не обращались друг к другу иначе как с добавлением крепких словечек.

Весь спор произошёл из-за дележа "зон".

Никто не хотел брать прифронтовые территории. Никому не нужны были "горячие точки" вроде Донецка, Луганска или Горловки. Все единодушно отказывались от работы с беженцами в Ростовской области.

– А что, разве это такая плохая зона? – невинно спрашивал Балаганов. – Там, кажется, много работы. Люди нуждаются в помощи!

– Знаем, знаем! – кричали разволновавшиеся "волонтеры". – Поможешь им!

Видимо, не один из собравшихся имел негативный опыт работы с местными администрациями.

Очень плохой репутацией пользовались также отдалённые, труднодоступные районы. Их обвиняли в неблагодарности и отсутствии "медийности".

– Нашли дураков! – визгливо кричал Паниковский. – Вы мне дайте Подмосковье, тогда я подпишу соглашение!

– Как! Всё Подмосковье? – язвил Балаганов. – А не дать ли тебе ещё Рублёвку в придачу? Или Куркино?

При слове "Куркино" собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Куркино хоть сейчас. Куркино считалось прекрасным, "ресурсным" местом.

– Ну, не всё Подмосковье, – настаивал жадный Паниковский, – хотя бы половину! Я, в конце концов, человек семейный, у меня дети!

Но ему не дали и половины.

После долгих криков решено было делить "зоны" по жребью. Были нарезаны тридцать с лишним бумажек, и на каждую из них нанесено географическое название. Плодородный Краснодар и сомнительный Херсон, мало "раскрученный" Мариуполь и почти безнадёжный Изюм – все города, все области лежали в чьей-то модной шапке-бини и ждали хозяев.

Весёлые возгласы, глухие стоны и нецензурные ругательства сопровождали жеребьёвку.

Злой рок Паниковского оказал своё влияние на исход дела. Ему досталась бесплодная и неблагодарная "зона" – работа с переселенцами из ЛДНР в каком-то забытом богом райцентре. Он присоединился к соглашению вне себя от злости.

– Я поеду! – кричал он. – Но предупреждаю, если переселенцы плохо ко мне отнесутся, я соглашение нарушу, я перейду в другую "зону"!

Балаганов, которому достался "золотой" район в центре Москвы, встревожился и тут же заявил, что нарушений "эксплуатационных норм" не потерпит.

Балаганов, которому достался самый лакомый кусок – Арбатовский район, граничащий с территорией компактного проживания переселенцев, заволновался и сразу заявил, что никаких нарушений правил безопасности и эксплуатации он не потерпит.

Так или иначе, всё было улажено, после чего тридцать сыновей и четыре дочери лейтенанта Шмидта разъехались по своим участкам, приступив к работе.

– И вот ты, Бендер, сам видел, как этот гад нарушил все договоренности! – закончил свой рассказ Шура Балаганов. – Он давно крутился возле моего района, только я никак не мог его поймать.

Вопреки ожиданиям рассказчика, дурной поступок Паниковского не вызвал у Остапа осуждения. Бендер развалился на стуле, рассеянно глядя перед собой. На высокой стене летней веранды были нарисованы деревья, густолиственные и ровные, как в учебнике ботаники. Настоящих деревьев в кафе не было, но тень от стены давала хоть какую-то прохладу и вполне устраивала посетителей. Посетители, судя по всему, поголовно были членами какого-то патристического объединения, потому что пили только пиво и даже ничего не заказывали к нему.

К воротам кафе, громко сигналив и подмигивая фарами, подъехал зеленый микроавтобус, на борту которого красовалась белая надпись: "За Победу!". Ниже располагались условия поездок на веселом авто: час – 500 рублей, за город – по договоренности. Пассажиров в машине не было.

Посетители кафе тревожно зашептались. Минут пять водитель умоляюще смотрел через решетку ограды, и, потеряв надежду заполучить клиента, вызывающе крикнул:

– Такси свободно! Кого прокатить с ветерком?

Но никто из посетителей не изъявил желания сесть в "За Победу!". И даже само приглашение водителя подействовало на них странным образом. Они понурились и старались не смотреть в сторону машины. Водитель покачал головой и медленно отъехал. Арбатовцы печально смотрели ему вслед. Через пять минут зеленый микроавтобус бешено промчался мимо кафе в обратном направлении. Водитель подпрыгивал на своем сиденье и что-то неразборчиво кричал. Машина была пуста, как и прежде.

Остап проводил ее взглядом и сказал:

– Так вот, Балаганов, ты позер. Не обижайся. Этим я просто хочу точно указать твое место в жизни.

– Да пошел ты! – грубо ответил Балаганов.

– Ты все-таки обиделся? Значит, по-твоему, должность "сына лейтенанта Шмидта" – это не позерство?

– Но ведь ты же сам сын лейтенанта Шмидта! – воскликнул Балаганов.

– Ты позер, – повторил Остап, – и сын позера. И дети твои будут позерами. Мальчик мой, то, что произошло сегодня утром, – это даже не эпизод, а так, чистая случайность, прихоть художника. Джентльмен в поисках десятки. Ловить такие мизерные шансы не в моем характере. И что это за профессия такая, прости господи! Сын лейтенанта Шмидта! Ну, год еще, ну, два! А дальше что? Дальше твои рыжие кудри примелькаются, и тебя просто начнут бить.

– Так что же делать? – забеспокоился Балаганов. – Как заработать на жизнь?

– Надо думать, – сурово ответил Остап. – Меня, например, кормят идеи. Я не тяну руку за жалкой зарплатой из бюджета. Мои планы помасштабнее. Ты, я вижу, бескорыстно любишь деньги. Скажи, какая сумма тебе нравится?

– Пять тысяч, – быстро ответил Балаганов.

– В месяц?

– В год.

– Тогда нам не по пути. Мне нужно пятьсот тысяч. И по возможности сразу, а не частями.

– Может, все-таки возьмешь частями? – спросил мстительный Балаганов.

Остап внимательно посмотрел на собеседника и совершенно серьезно ответил:

– Я бы взял частями. Но мне нужно сразу.

– Я бы частями взял. Но мне нужно сразу.

Балаганов хотел было съязвить, но, взглянув на Остапа, осекся. Перед ним сидел подтянутый мужчина с четкими чертами лица, словно высеченными на медали. Смуглую шею пересекал тонкий вишневый шрам. В глазах плясали опасные искорки.

Балаганов вдруг почувствовал невольное желание вытянуться по стойке "смирно". Ему даже захотелось прочистить горло, как это бывает у людей средней руки при разговоре с начальством. И действительно, откашлявшись, он смущенно спросил:

– Зачем вам так много денег... и сразу?

– Вообще-то мне нужно больше, – ответил Остап, – пять миллионов – это мой минимум. Пять миллионов полновесных рублей. Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Дубай.

– У вас там родственники? – спросил Балаганов.

– А что, я похож на человека, у которого могут быть родственники?

– Нет, но мне...

– У меня нет родственников, товарищ Шура, я один на всем свете. Был отец, турецкий бизнесмен, да и тот давно умер от ковида. Не в этом дело. Я с детства мечтаю о Дубае. Вы, конечно, знаете об этом городе.

Балаганов скорбно покачал головой. Из мировых центров культуры он, кроме Москвы, знал разве что Ростов и Воронеж. И вообще, он был убежден, что лучше дома нигде не бывает.

Остап бросил на стол распечатку со страницы "Википедии".

– Это статья про Дубай. Вот что тут написано: «Население – три с половиной миллиона человек»... так... «значительное число экспатов... на берегу Персидского залива»... Вот, вот!.. «Небоскребы и торговые центры не уступают лучшим в мире». Представляете себе, Шура? Не уступают! Экспаты, залив, экспорт нефти, так сказать, нефтяной демпинг, лаунж "Хабиби" и... да что говорить! Вы сами видите, что происходит! Три с половиной миллиона человек, и все поголовно в брендовой одежде! Я хочу отсюда уехать. У меня с этой ситуацией в стране возникли за последний год серьезные разногласия. Все волонтерят, донатят, а я не хочу. Мне скучно волонтерить. Что я, оператор дрона, что ли? Теперь вам ясно, для чего мне нужно столько денег?

– Где же вы возьмете пять миллионов? – тихо спросил Балаганов.

– Где угодно, – ответил Остап. – Покажите мне только богатого человека, и я возьму у него деньги.

– Как? Ограбление? – еще тише спросил Балаганов и бросил взгляд на соседние столики, где посетители поднимали тосты за победу.

– Знаете, – сказал Остап, – вам не надо было так много сидеть в Телеграме. Это умственное упражнение, как видно, сильно вас истощило. Вы глупеете прямо на глазах. Заметьте себе, Остап Бендер никогда никого не грабил. Его грабили, это было. Но сам он чист перед законом. Я, конечно, не ангел, у меня нет крыльев. Но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость.

– Как же думаете взять деньги?

– Как я думаю взять? Взятие или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов взять. Но не в способах дело. Дело в том, что сейчас нет богатых людей. И в этом ужас моего положения. Иной набросился бы, конечно, на какой-нибудь беззащитный госфонд, но это не в моих правилах. Вам известно мое уважение к Уголовному кодексу. Нет смысла грабить коллектив. Дайте мне индивида побогаче. Но его нет, этого индивидуума.

– Да что вы! – воскликнул Балаганов. – Есть очень богатые люди!

– Да ладно тебе! – воскликнул Балаганов. – Сейчас такие люди есть, у которых денег – куры не клюют!

– А ты их знаешь? – тут же подхватил Остап. – Можешь назвать хоть одну фамилию, хоть один адрес реального миллионера, а? Они же должны быть, где-то же они прячутся! Как такого ловкача выловить?

Остап даже вздохнул. Видно было, что мечты о богатом спонсоре давно не давали ему покоя.

– Как же приятно, – мечтательно протянул он, – работать с легальным миллионером в нормальной, цивилизованной стране. Там миллионер – уважаемый человек. Адрес его известен. Живет себе в особняке где-нибудь в Дубае. Приходишь к нему на прием, и уже в прихожей, после пары вежливых фраз, забираешь свои деньги. И все это, заметь, по-хорошему, культурно: "Алло, сэр, не волнуйтесь! Небольшая просьба. Окей! Готово". И все. Культура! Что может быть проще? Джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес. Только не надо люстры простреливать, это лишнее. А у нас... боже, боже, в какой дикой стране мы живем. У нас все в тени, все по углам. Советского миллионера даже налоговая не найдет, со всеми своими базами данных. А он, может, сейчас сидит где-нибудь в кафешке, за соседним столиком, и пьет свой крафтовый эль. Вот что обидно!

– Значит, ты думаешь, – выждав паузу, спросил Балаганов, – что если бы такой вот тайный богач нашелся, то...

– Не продолжай, я знаю, что ты хочешь сказать. Нет, ничего такого. Я не буду его душить подушкой или бить прикладом по голове. И вообще, никакой уголовщины. Эх! Если бы только найти такого! Я уж так все обставляю, что он сам свои деньги мне принесет, на блюдечке с голубой каемочкой.

– Это очень хорошо! – Балаганов доверчиво ухмыльнулся. – Пятьсот тысяч на блюдечке с голубой каемочкой!

Он вскочил и начал кружить вокруг столика. Жалобно причмокивал, останавливался, открывал рот, словно собираясь что-то сказать, но, так и не произнеся ни слова, садился и снова вскакивал. Остап равнодушно наблюдал за его метаниями.

– Сам принесет? – вдруг спросил Балаганов скрипучим голосом. – На блюдечке? А если не принесет? А где этот Дубай? Далеко? Не может быть, чтобы все ходили в белых штанах! Ты это брось, Бендер! На пятьсот тысяч можно и у нас неплохо устроиться.

– Бесспорно, бесспорно, – весело ответил Остап, – устроиться можно. Но ты не спеши радоваться. У тебя же этих пятисот тысяч нет.

На гладком, как блин, лбу Балаганова пролегла глубокая морщина. Он неуверенно посмотрел на Остапа и пробормотал:

– Я знаю одного такого миллионера. Может, и выгорит дело.

С лица Бендера мгновенно слетела всякое оживление. Оно стало суровым и снова приобрело выражение, как на медали.

– Иди, иди, – сказал он, – я подаю только по субботам, нечего тут сказки рассказывать.

– Честное слово, месье Бендер!..

– Слушай, Шура, если уж ты перешел на французский, то называй меня не месье, а гражданин. Кстати, адрес твоего миллионера?

– Он живет в Мариуполе.

– Ну конечно, так и знал! Мариуполь! Там еще до войны человек с десятью тысячами считался богачом. А теперь... могу себе представить! Нет, это ерунда!

– Да брось ты, дай договорить! Это ж реально миллионер. Понимаешь, Остап, довелось мне сидеть в СИЗО...

Минут через десять компаньоны покинули летнюю веранду кафе, где пили пиво. Остап чувствовал себя хирургом, которому предстоит сложная операция. Все готово. В стерилизаторах греются салфетки и бинты, медсестра в белом халате бесшумно скользит по кафельному полу, сверкает медицинский фаянс и никель, пациент лежит на операционном столе,

томно закатив глаза, в нагретом воздухе пахнет импортной жвачкой. Хирург с растопыренными руками подходит к столу, берет у ассистента стерильный скальпель и сухо говорит больному:

– Ну-с, снимайте броню!

– У меня всегда так, – сказал Остап, блеснув глазами, – миллионные дела начинаются с полным отсутствием финансов. Весь мой капитал, основной, оборотный и резервный, составляет пятьсот рублей... Как ты сказал фамилия этого подпольного богача?

– Корейко, – ответил Балаганов.

– Да, да, Корейко. Отличная фамилия. И ты утверждаешь, что никто не знает о его деньгах?

– Никто, кроме меня и Пружанского. Но Пружанский, я ж говорил, еще года три будет сидеть. Если б ты видел, как он убивался и плакал, когда я выходил. Видно, чувствовал, что зря рассказал мне про Корейко.

– То, что он открыл тебе тайну – ерунда. Не из-за этого он убивался. Он, скорее, предвидел, что ты все расскажешь мне. А это для бедного Пружанского прямые убытки. К тому времени, как Пружанский выйдет, Корейко сможет утешаться только пошлой поговоркой: "Не в деньгах счастье".

Остап снял свою кепку и, помахав ею в воздухе, спросил:

– У меня седые волосы есть?

Балаганов втянул живот, расставил ноги на ширину плеч и голосом солдата ответил:

– Никак нет.

– Значит, будут. Нас ждут великие дела. Ты тоже поседеешь, Балаганов.

Балаганов вдруг глупо хихикнул.

– Как ты говоришь? Сам принесет деньги на блюдечке с голубой каемочкой?

– Мне на блюдечке, – сказал Остап, – а тебе на тарелочке.

– А как же Дубай? Я тоже хочу в белых штанах.

– Дубай – это хрупкая мечта моего детства, – строго ответил великий комбинатор, – не трогай ее своими грязными руками. Ближе к делу. Выслать бойцов в мое распоряжение. Подразделениям прибыть в город N в кратчайшие сроки. Форма одежды – полевая. Ну, трубите сбор! Командовать парадом буду я!

Глава третья

За год до того, как Паниковский нарушил договоренности, проникнув на чужую территорию, в городе N появился первый дрон. Пилотом дрона был парень по фамилии Козлевич.

К баранке его привело желание начать все с чистого листа. Прошлая жизнь Адама Козлевича была полна нарушений закона. Он постоянно пересекал черту, предусмотренную статьей о хищении чужого имущества. Статья эта включала много пунктов, но Адаму претила простота пункта "а" (кража без применения технических средств). Слишком уж примитивно. Пункт "д", грозивший сроком до пяти лет, тоже не устраивал. Не любил он надолго задерживаться в местах не столь отдаленных. И поскольку с детства его тянуло к технике, он всей душой отдался пункту "в" (хищение с применением технических средств, неоднократно, по предварительному сговору или в транспорте).

Но Козлевичу не везло. Его ловили и с техникой, и без нее: на вокзалах, в портах, на судах и в гостиницах. В поездах тоже брали. Хватали даже тогда, когда он в отчаянии начинал действовать по предварительному сговору.

Проведя в общей сложности около трех лет за решеткой, Адам Козлевич пришел к выводу, что гораздо выгоднее честно зарабатывать, чем воровать. Эта мысль принесла покой его мятежной душе. Он стал образцовым заключенным, писал стихи в тюремной газете "Рассвет" и усердно работал в механической мастерской колонии. Пенитенциарная система оказала

на него благотворное влияние. Козлевич Адам Казимирович, 46 лет, из крестьян, холост, ранее судим, вышел из тюрьмы честным человеком.

После двух лет работы в одном из московских автосервисов он случайно купил такой старый автомобиль, что его появление на рынке можно было объяснить только распродажей музейных экспонатов. Редкий экземпляр достался Козлевичу за скромные деньги. В придачу к машине шла искусственная пальма в кадке. Пришлось брать и пальму. Пальма еще куда ни шло, но с машиной пришлось повозиться: искать запчасти, латать сиденья, переделывать электрику. Ремонт завершился покраской в защитный зеленый цвет. Марка машины была неизвестна, но Адам Казимирович утверждал, что это "Лорен-Дитрих". В доказательство он прикрепил к радиатору медную табличку с логотипом "Лорен-Дитрих". Оставалось приступить к частному извозу, о котором Козлевич давно мечтал.

В тот день, когда Адам Казимирович собрался впервые показать свое детище на стоянке такси, произошло печальное для всех частников событие. В Москву прибыла большая партия новых "Рено". Козлевич даже не пытался с ними конкурировать. Пальму он сдал на хранение в придорожное кафе и отправился на заработки в провинцию.

Арбатов, где у него теперь не было личного транспорта, пришелся шоферу по душе, и он решил остаться здесь навсегда.

Адам Казимирович представлял себе, как усердно, с удовольствием и, главное, честно он будет работать в сфере автопроката. Виделось ему, как ранним утром стоит он на дежурстве у вокзала, ожидая прибытия поезда из Москвы. В теплой куртке, сдвинув на лоб очки, он приветливо предлагает носильщикам сигареты. Чуть поодаль зябнут немногочисленные таксисты. Они переминаются с ноги на ногу от холода. Но вот раздается громкий сигнал прибытия поезда. Пассажиры выходят на привокзальную площадь и с удивлением останавливаются перед машиной. Они и не ожидали, что в арбатовскую глушь уже добралась идея автопроката. Сигналя клаксоном, Козлевич везет пассажиров в гостиницу. Работа есть на весь день, и все рады воспользоваться услугами современного транспорта. Козлевич и его верный автомобиль – постоянные участники всех городских свадеб, экскурсий и праздников. Но больше всего работы летом. По выходным на машине Козлевича выезжают за город целые семьи. Слышен беззаботный смех детей, ветер треплет шарфы и волосы, женщины оживленно болтают, отцы семейств с уважением смотрят на спину водителя и расспрашивают его о том, как обстоят дела с автомобилями в Европе.

Так рисовалась Козлевичу его новая, прекрасная жизнь в Арбатове. Но реальность в кратчайшие сроки разрушила воздушные замки, построенные воображением Адама Казимировича, со всеми его башенками, подъемными мостами и флагами.

Первым делом подвел график движения поездов. Скорые и пассажирские поезда проезжали станцию Арбатов без остановки, принимая сигналы и сбрасывая почту на ходу. Пригородные поезда приходили всего два раза в неделю. Они привозили в основном мелких торговцев и ремесленников с сумками и коробками. Как правило, эти пассажиры машиной не пользовались. Экскурсий и праздников не было, а на свадьбы Козлевича не приглашали. В Арбатове для свадебных процессий привыкли нанимать конные повозки, которые в таких случаях украшали лентами и цветами, что очень нравилось гостям.

Однако поездки за город случались довольно часто. Но они были совсем не такими, о каких мечтал Адам Казимирович. Не было ни детей, ни веселых подружек невесты, ни оживленной болтовни.

В первый же вечер, освещенный тусклыми уличными фонарями, к Адаму Казимировичу, который весь день безуспешно простоял на площади, подошли четверо мужчин. Долго и молчаливо они разглядывали автомобиль. Потом один из них, невысокий, с сомнением спросил:

– Всем можно покататься?

– Всем, – ответил Козлевич, удивляясь нерешительности арбатовских жителей. – Пятьсот рублей в час.

Мужчины зашептались. До водителя донеслись вздохи и слова: «Может, прокатимся, ребята, после смены? А удобно ли? По сто двадцать пять с человека – не дороговато ли? Да ладно...»

И впервые просторный салон автомобиля принял в свое нутро арбатовцев. Несколько минут пассажиры молчали, пораженные скоростью передвижения, запахом бензина и свистом ветра. Потом, охваченные неясным предчувствием, тихонько затаили: «Как быстро дни летят...». Козлевич переключил передачу. Мимо промелькнули темные очертания закрытого магазина, и машина выехала на проселочную дорогу.

И вот, наконец, выдавшая виды "Газель" приняла в свой пропахший бензином салон первых пассажиров. Несколько минут все молчали, оглушенные ревом мотора и мельканием огней за окном. Потом, поддавшись какому-то смутному порыву, тихо затаили: "Всё проходит, словно миг один..." Козлевич переключил на вторую передачу. Мимо проплыли темные силуэты заброшенных складов, и машина вырвалась на освещенную луной трассу.

"Жизнь прожить - не поле перейти..." - тоскливо подхватили пассажиры. Им вдруг стало жаль себя, обидно, что не успели пожить, как следует. Припев грянули уже во всю глотку:

"На посошок, на дорожку, эх-ма!"

– Стой! – вдруг заорал кто-то с заднего сиденья. – Разворачивай! Душа горит!

В городе к компании присоединились несколько пластиковых бутылок с "беленькой" и какая-то широкоплечая дама. За городом устроили пикник, закусывали салом и солеными огурцами, а потом, без всякой музыки, принялись танцевать под луной.

Измотанный ночными приключениями, Козлевич проспал весь день в своей "Газели" на стоянке. А к вечеру явилась вчерашняя компания, уже изрядно подвыпившая, снова залезла в машину, и всю ночь они катались по окрестностям. На третий день все повторилось. Ночные загулы развеселой компании продолжались две недели подряд. Радости автомобилизации оказали на клиентов Адама Казимировича странное влияние: лица у них распухли и в темноте светились, как подушки. Один из них, с куском колбасы, торчащим изо рта, напоминал зомби из телеграма.

Они стали нервными, дергаными, и в разгар веселья вдруг начинали плакать. Однажды самый отчаянный из них привез к машине мешок гречки. На рассвете гречку отвезли в деревню, обменяли на самогон, и в этот день в город уже не вернулись. Пили с мужиками на брудершафт, сидя на стогах сена. А ночью жгли костры и плакали особенно жалобно.

В последовавшее затем серое утро кооператив "Линейщик", где этот самый отчаянный работал заведующим, а его веселые товарищи числились членами правления и ревизионной комиссии, закрылся на переучет. Каково же было горькое удивление проверяющих, когда они не обнаружили в магазине ни муки, ни сахара, ни тушенки, ни даже макарон. Полки, прилавки, ящики – все было пусто. Только посреди магазина на полу стояли огромные берцы сорок пятого размера, а в углу тускло поблескивал старый кассовый аппарат. К Козлевичу домой пришла повестка от следователя; водителя вызывали в качестве свидетеля по делу кооператива "Линейщик".

Заведующий и его друзья больше не появлялись, и зеленая "Газель" три дня простояла без дела.

Новые пассажиры, как и первые, явились под покровом темноты. Они тоже начали с невинной поездки за город, но мысль о водке возникла у них, едва машина проехала первые пятьсот метров. По-видимому, эти люди не представляли себе, как можно пользоваться автомобилем в трезвом виде, и считали "Газель" Козлевича притоном, где обязательно нужно вести себя развязно, орать песни и вообще прожигать жизнь.

Только тут Козлевич понял, почему мужики, проходившие мимо его "буханки" днем, так понимающе переглядывались и криво усмехались.

Всё пошло совсем не так, как он планировал. Ночами он мотался с включенными фарами по окрестным промзонам, слыша за спиной пьяные крики и хохот пассажиров, а днем, разбитый бессонницей, сидел у следователей и давал показания. Эти местные прожигали жизнь, похоже, на деньги, предназначенные для нужд армии, для помощи беженцам, для восстановления разрушенных городов. И Козлевич, против своей воли, снова погружался в дебри Уголовного кодекса, в мир статей о коррупции и злоупотреблении служебным положением.

Начались суды. И в каждом из них главным свидетелем обвинения выступал Адам Казимирович. Его правдивые рассказы сбивали подсудимых с ног, и те, захлебываясь в слезах и оправданиях, признавались во всем. Он отправил за решетку целую кучу чиновников. Последней его жертвой стал местный филиал областной кинокомпании, снимавший в области патристический фильм о добровольцах. Весь филиал получил условные сроки, а фильм, представлявший интерес только для следствия, был передан в архив вещественных доказательств.

После этого наступил крах. Зеленой "буханки" стали бояться, как дрона-камикадзе. Люди обходили стороной площадь, где Козлевич установил полосатый шлагбаум с табличкой "Автобиржа". За несколько месяцев Адам не заработал ни копейки и жил на сбережения, сделанные во время ночных поездок.

Тогда он пошел на жертвы. На дверце автомобиля он вывел белой краской надпись "Прокачу с ветерком!" и снизил цену с пятисот рублей в час до трехсот. Но люди и тут не изменили тактику. Водитель медленно колесил по городу, подъезжал к офисам и кричал в окна:

– Воздух-то какой! Может, прокатимся?

Чиновники выглядывали на улицу и, под стук клавиатур, отвечали:

– Сам катайся! Стукач!

– Почему же стукач? – чуть не плача, спрашивал Козлевич.

– Стукач и есть, – отвечали служащие, – под проверку подведешь!

– А вы бы на свои катались! – запальчиво кричал водитель. – На личные деньги!

При этих словах чиновники переглядывались с ироничными улыбками и закрывали окна. Кататься в машине на свои деньги казалось им просто абсурдом.

Владелец "Прокачу с ветерком!" рассорился со всем городом. Он уже ни с кем не здоровался, стал нервным и злым. Завидев какого-нибудь госслужащего в дорогой куртке, он подъезжал к нему сзади и с горьким смехом кричал:

– Коррупционеры! А вот я вас сейчас под статью подведу! За растрату!

Госслужащий вздрагивал, делал вид, что крики относятся не к нему, и ускорял шаг. Но мстительный Козлевич продолжал ехать рядом и дразнил врага монотонным чтением статей из Уголовного кодекса:

"Присвоение должностным лицом денег, предназначенных для нужд армии или помощи пострадавшим, карается..."

Госслужащий трусливо убежал, высоко подпрыгивая на каждом шагу.

– Лишением свободы, – кричал Козлевич вслед, – на срок до десяти лет!

Но все это, если и приносило удовлетворение водителю, то только моральное. Материальные дела его были плохи. Сбережения подходили к концу. Надо было принять какое-то решение. Дальше так продолжаться не могло.

Впрочем, если это и приносило какое-то удовлетворение водителю, то только моральное. С материальной стороной дела обстояли неважно. Сбережения таяли на глазах. Нужно было что-то решать. Дальше так продолжаться не могло.

В таком подавленном состоянии Адам Казимирович сидел однажды в своей машине, с отвращением глядя на унылый бетонный блокпост с полосатым шлагбаумом. Он смутно понимал, что честная жизнь не задалась, что его "эвакуатор мечты" оказался никому не нужен.

Козлевич был настолько погружен в свои мрачные мысли, что не сразу заметил двух молодых людей, которые уже довольно долго разглядывали его выдающуюся "Газель".

– Оригинальная конструкция, – сказал наконец один из них, – настоящий раритет. Видишь, Балаганов, что можно сделать из обычной грузовой платформы? Немного смекалки – и получился отличный транспорт для гуманитарки.

– Отошли! – угрюмо буркнул Козлевич.

– Это еще почему? Зачем же вы на своем корыте написали "Эх, прокачу!"? Может, мы с другом хотим совершить деловую поездку? Может, нам как раз нужно "эх-прокатиться"?

И впервые за долгое время на лице измученного водителя появилась слабая улыбка. Он выскочил из машины и проворно завел тяжело рокочущий двигатель.

– Пожалуйста, – сказал он, – куда везти?

– На этот раз – никуда, – заметил Балаганов, – денег нет! Ничего не поделаешь, товарищ водитель, бедность.

– Все равно, садитесь! – отчаянно воскликнул Козлевич. – Повезу бесплатно! Только водку не пейте и дебош не устраивайте! Эх! Прокачу!

– Ну что ж, воспользуемся гостеприимством, – сказал Остап, усаживаясь рядом с водителем. – У вас, я вижу, хороший характер. Но почему вы думаете, что мы способны на что-то непристойное?

– Тут всякие бывают, – ответил водитель, выезжая на главную улицу, – и добровольцы, и беженцы, и просто отчаявшиеся люди!

Его распирало желание поделиться с кем-нибудь своим горем. Лучше всего, конечно, было бы рассказать о своих страданиях нежной, морщинистой маме. Она бы пожалела. Но мадам Козлевич давно уже умерла от горя, когда узнала, что сын ее Адам начинает приобретать известность как мелкий мошенник. И водитель рассказал новым пассажирам всю историю падения его бизнеса, погребенного под обломками разрушенной войной жизни.

– Куда теперь ехать? – с тоской закончил Козлевич. – Куда податься?

Остап помедлил, многозначительно посмотрел на своего рыжего компаньона и сказал:

– Все ваши беды оттого, что вы слишком честный. Вы просто наивный чудак. Печально наблюдать среди водителей такие упаднические настроения. У вас есть машина – и вы не знаете, куда ехать! У нас дела похуже – у нас машины нет. И все-таки мы знаем, куда ехать. Хотите, поедem вместе?

– Куда? – спросил водитель.

– В Днепр, – сказал Остап. – У нас там небольшое деликатное дело. И вам работа найдется. В Днепре ценят опытных водителей и охотно пользуются их услугами. Поедем?

Сначала Адам Казимирович только кисло улыбнулся, словно вдовец, которому ничего уже в жизни не мило. Но Бендер не жалел красноречия. Он развернул перед смущенным водителем удивительные перспективы и тут же раскрасил их в яркие и привлекательные цвета.

– А в этом прифронтовом городе вам терять нечего, кроме старых покрышек, – убеждал он. – По дороге голодать не будете. Это я беру на себя. Бензин ваш – идеи наши!

Козлевич остановил машину и, все еще упираясь, хмуро сказал:

– Бензина мало!

– На пятьдесят километров хватит?

– Хватит на семьдесят.

– Хватит литров на восемьдесят?

– Вполне. Как я уже говорил, с идеями у меня проблем нет. Километров через шестьдесят, прямо у дороги, вас будет ждать большая металлическая бочка с авиационным керосином. Любите авиационный керосин?

– Люблю, – застенчиво ответил Козлевич.

Жизнь вдруг показалась ему простой и приятной. Ему не терпелось поехать в этот Черноморск.

– И эту бочку, – закончил Остап, – вы получите совершенно бесплатно. Даже больше скажу: вас будут уговаривать этот керосин взять.

– Какой керосин? – прошептал Балаганов. – Что ты несешь?

Остап посмотрел на его лицо, усыпанное веснушками, и так же тихо ответил:

– Людей, которые не смотрят новости в Телеграме, надо сразу морально уничтожать. От них никакого толку. Тебя я пока оставлю в живых, надеюсь перевоспитать.

Остап не стал объяснять, какая связь между чтением новостей и бочкой керосина, которая якобы ждет их на трассе.

– Объявляю автопробег Арбатова – Черноморск открытым! – торжественно произнес Остап. – Командиром пробега назначаю себя. Водителем утверждается... Как ваша фамилия? Адам Козлевич. Гражданин Балаганов назначается бортмехаником с обязанностями по хозяйственной части. И вот что, Козлевич, надпись "На Берлин!" надо немедленно закрасить. Нам лишние приметы не нужны.

Через пару часов зеленая машина со свежим темно-зеленым пятном на борту выехала из гаража и в последний раз проехала по улицам Арбатова. В глазах Козлевича светилась надежда. Рядом с ним сидел Балаганов. Он старательно протирал тряпкой медные детали, усердно выполняя свои новые обязанности бортмеханика. Командир пробега развалился на сиденье, с довольным видом поглядывая на своих подчиненных.

– Адам! – закричал он, перекрывая шум мотора. – Как зовут твою ласточку?

– "Лорен-Дитрих", – ответил Козлевич.

– Ну что это за название? Машина, как боевой дрон, должна иметь свое имя. Твой "Лорен-Дитрих" отличается замечательной скоростью и изяществом линий. Предлагаю назвать машину "Антилопа". "Антилопа-Гну". Кто против? Единогласно.

Зеленая "Антилопа", скрипя всеми своими узлами, промчалась по улице и вылетела на площадь.

Там экипажу "Антилопы" предстала такая картина: по площади, в сторону трассы, бежал согнувшийся человек, прижимая к себе белого гуся. Левой рукой он держал на голове кепку. За ним с криками гналась толпа. Убегавший часто оглядывался, и на его лице можно было увидеть выражение ужаса.

– Паниковский бежит! – закричал Балаганов.

– Вторая стадия кражи гуся, – холодно заметил Остап. – Третья стадия начнется после поимки виновного. Она сопровождается воспитательными мерами.

О приближении третьей стадии Паниковский, вероятно, догадывался, потому что бежал изо всех сил. От страха он не выпускал гуся, и это вызывало у преследователей еще большее раздражение.

– Статья за мародерство, – сказал Козлевич. – Незаконное присвоение имущества в зоне СВО.

Балаганов захохотал. Ему нравилось, что нарушителя ждет заслуженное наказание.

Машина выехала на трассу, прорезав шумную толпу.

– Спасите! – закричал Паниковский, когда "Антилопа" поравнялась с ним.

– Спасите! – заорал Паниковский, когда пикап поравнялся с ним.

– Бог поможет! – отозвался Балаганов, свесившись из кузова.

Машина окатила Паниковского облаком пыли.

– Возьмите меня! – вопил Паниковский, из последних сил стараясь не отстать. – Я свой!

Голоса преследователей сливались в недоброжелательный гул.

– Может, подберем этого типа? – спросил Остап.

– Не надо, – отрезал Балаганов, – пусть знает, как нарушать договоренности!

Но Остап уже решил.

– Бросай птицу! – крикнул он Паниковскому и, обращаясь к водителю, добавил: – Сбавь скорость!

Паниковский тут же послушался. Гусь недовольно поднялся с земли, отряхнулся и, как ни в чем не бывало, побрел обратно в сторону блокпоста.

– Залезай, – предложил Остап, – черт с тобой! Но чтоб больше так не делал, а то руки повыдергиваю.

Паниковский, перебирая ногами, ухватился за борт, потом перевалился через него, как тюлень на берег, и, звякая браслетами, рухнул на дно кузова.

– Полный газ! – скомандовал Остап. – Операция продолжается!

Балаганов нажал на кнопку, и из динамика вырвалась старая, веселая мелодия, внезапно обрывающаяся:

"Ой у гаю при Дунаю..."

И пикап рванул по разбитой дороге навстречу цистерне с топливом.

Глава четвертая

Человек без головного убора, в серых рабочих штанах, шлепанцах на босу ногу и белой футболке, пригнувшись, вышел из калитки частного дома. Оказавшись на тротуаре, выложенном бетонной плиткой, он остановился и тихо сказал:

– Сегодня пятница. Значит, снова нужно ехать на вокзал.

Произнеся это, человек в шлепанцах быстро оглянулся. Ему показалось, что за ним наблюдает кто-то в форме. Но улица была пуста.

Июньское утро только начиналось. Деревья тихо шелестели листвой. Уличные птицы щебетали. Вдали, за домами, виднелось море. Бездомные собаки, оглядываясь, копались в мусорных баках. Время коммунальщиков уже прошло, время торговцев с рынка еще не наступило.

Было то время между пятью и шестью утра, когда коммунальщики, наработавшись, уже разошлись, в городе светло, чисто и тихо; в такую минуту хочется верить, что жизнь налаживается; но уже слышен далекий гул – это разгружаются первые электрички. Сейчас появятся рабочие с сумками и тут же скроются за воротами предприятий. А потом, подпрыгивая от злости, на тумбочках зазвонят телефоны; и заворчат спросонок люди, вставая с кроватей. Время коммунальщиков закончится, наступит время офисных работников.

Но было еще рано, люди еще спали. Человек в шлепанцах прошел через город, почти никого не встретив.

Но было ещё рано, офисные работники ещё дремали за своими мониторами. Человек в шлёпках прошёл через весь город, почти никого не встретив. Шёл вдоль улиц, где на столбах висели синие ящики "Почты России" с гербом – конвертом и триколором, а возле магазинов стояли пластиковые миски с водой для бездомных собак.

На автовокзал человек в шлёпках прибыл как раз к прибытию первого автобуса с окрестных деревень. Несколько раз задев пассажиров с баулами, он подошёл к камере хранения и протянул квитанцию. Смотритель, с суровой миной, будто он охранял ядерные коды, взглянул на квитанцию и выкатил ему его выдавший виды рюкзак. Человек в шлёпках расстегнул потёртый кошелёк, вздохнул, достал мятую купюру и положил её на прилавок, сделанный из старой столешницы.

Оказавшись на привокзальной площади, человек в шлёпках поставил рюкзак на тротуарную плитку, внимательно осмотрел его со всех сторон и даже потрогал молнию. Обычный рюкзак, каких тысячи. В таких рюкзаках молодые контрактники везут с собой несколько пар носков, сменную толстовку, трусы, брошюру "Устав внутренней службы" и пару бутербродов с колбасой. А в углу обязательно найдётся ком грязного белья, завёрнутый в газету "Ведомости". Люди постарше хранят в таких рюкзаках спортивный костюм, домашние тапочки, фла-

кон одеколона "Шипр" и старый плед. И в этом случае в углу найдётся что-то, завернутое в "Ведомости". Но это уже не грязное бельё, а кусок сала.

Удовлетворившись осмотром, человек в шлёпках подхватил рюкзак и запрыгнул в старенькую маршрутку, которая довезла его на другой конец города – к железнодорожному вокзалу. Здесь он сделал всё наоборот. Сдал свой рюкзак в камеру хранения и получил квитанцию от величавого смотрителя.

Совершив эти странные манипуляции, хозяин рюкзака покинул вокзал как раз в то время, когда на улицах появились первые офисные сотрудники. Он влился в их нестройные ряды, и его внешний вид перестал быть самобытным. Человек в шлёпках был служащим, а служащие в городе почти все одевались по неписаному дресс-коду: рубашка с закатанными рукавами, лёгкие брюки, те же шлёпки или кроссовки. Никто не носил шляп и кепок. Изредка попадалась бейсболка, а чаще всего – чёрные, торчащие во все стороны волосы, а ещё чаще, как арбуз на бахче, сверкала загорелая лысина, на которой так и хотелось написать маркером какое-нибудь слово.

Учреждение, в котором служил человек в шлёпках, называлось "РОСАТОМПРОЕКТ" и располагалось в бывшей гостинице. Вращающаяся дверь с хромированными ручками впустила его в просторный холл, отделанный керамогранитом. В стеклянной будке сидела девушка из бюро пропусков. Оттуда уже выглядывало смеющееся женское лицо. Пробежав несколько шагов, вошедший остановился перед охранником в форменной рубашке и бодрым голосом спросил:

– Ну что, старик, на пенсию пора?

– Ну что, дед, на передовую пора?

– Пора, родимый, – ответил охранник, сияя улыбкой, – в нашу добровольческую роту.

Он даже руками взмахнул. На его простом лице читалась готовность хоть сейчас отправиться в окопы.

В N-ске решили организовать отряды теробороны и пункт сбора гуманитарки, и эта инициатива местных властей почему-то очень веселила горожан. Может, смешили их новые термины – "тероборона" и "гуманитарка", а может, особенно забавляла их сама мысль о том, что кто-то добровольно пойдет воевать; но только они приставали ко всем старикам и старухам в маршрутках и на улицах с криками: "Ты куда, дед, прешься? В тероборону торопишься?" или "Пропустите старика вперед, ему на фронт пора". И, удивительное дело, идея добровольной мобилизации старикам очень нравилась, так что веселые шутки вызывали у них полное одобрение. И вообще разговоры о войне, считавшиеся до сих пор неудобными и страшными, стали копироваться в N-ске наравне с мемами из Телеграма и вызывали всеобщий интерес.

Обогнув стоящий в начале лестницы баннер с надписью "За победу!", служащий с неудовольствием взглянул на плакат: "Чистка рядов начинается. Долой коррупцию и кумовство!" и поднялся на второй этаж. Он работал в финансовом отделе администрации.

До начала рабочего дня оставалось еще пятнадцать минут, но за своими столами уже сидели Сидоров, Петренко, Иваночкин, Мельник, Шевченко, Кукушкин, Борисенко и Лapidус-младший. Чистки они нисколько не боялись, в чем неоднократно заверяли друг друга, но в последнее время почему-то стали приходить на работу как можно раньше. Пользуясь немногими минутами свободного времени, они шумно переговаривались между собой. Голоса их гудели в огромном зале, который в прежние времена был банкетным залом ресторана. Об этом напоминали лепнина на потолке и расписанные стены, где с глупыми улыбками кувыркались нимфы и купидоны.

– Вы слышали новость, Корейко? – спросил вошедшего Лapidус-младший. – Неужели не слышали? Ну? Вы будете в шоке!

– Какая новость? Здравствуйтесь, товарищи! – произнес Корейко. – Здравствуйтесь, Анна Васильевна.

– Вы даже представить себе не можете! – с удовольствием сказал Лapidус-младший. – Бухгалтер Берлага попал в дурку.

– Да что вы говорите? Берлага? Ведь он же нормальный мужик!

– До вчерашнего дня был нормальный, а с сегодняшнего дня стал ненормальный, – вступил в разговор Борисенко. – Это факт. Мне звонила его жена. У него серьезнейший нервный срыв, на фоне новостей.

– Надо только удивляться, что у нас у всех еще нет этого срыва, – зловеще заметил старик Кукушкин, глядя на сослуживцев сквозь овальные очки.

– Не каркай! – сказала Шевченко. – Вечно он негатив наводит.

– Все-таки жалко Берлагу, – отозвался Петренко, повернувшись на своем офисном кресле лицом к обществу.

Общество молчаливо согласилось с Петренко. Один только Лapidус-младший загадочно усмехнулся. Разговор перешел на тему о последствиях стресса; заговорили о панических атаках, рассказано было несколько историй про тех, кто "поехал кукухой".

– Вот у меня, – воскликнул Сидоров, – был знакомый, который вообразил себя одновременно волонтером, бойцом и дрoнoводитом. Представляете себе, какой кипиш он устраивал?..

– Странно, что мы еще все не вообразили себя командирами, – прокрипел старик Кукушкин, медленно протирая очки полый пиджака. – Живем в такое время...

– "Азова", "Хортицы" и "Донбасса"? – ухмыльнулся Сахарков.

– Да! Именно! – вдруг взвизгнул Кукушкин. – Именно! В такое время живем... Вот когда я в "Приватбанке" работал, никаких проверок не было...

При слове "проверки" Лapidус-младший встрепенулся, взял Корейко под руку и отвел к огромному окну, украшенному цветными стеклами в виде двух казаков.

– Самое интересное про Берлагу ты еще не знаешь, – зашептал он. – Берлага жив-здоров.

– Как? Значит, он не в психушке?

– Нет, в психушке.

Лapidус хитро улыбнулся.

– В этом вся фишка. Он просто испугался мобилизации и решил переждать смутное время. Прикинулся сумасшедшим. Сейчас, наверное, там орет и хохочет. Вот пройдоха. Даже завидно.

– У него, наверное, с документами что-то не так? Прописка левая?

– Да. И с документами не все чисто, и сам он, между нами говоря, имел небольшой бизнес. Кто же знал, что такое начнется. Люди выживали как могли, кто бизнес имел, а кто и волонтерил... Я лично не вижу в этом ничего плохого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.